

СОЛЕВАР

Алексей Кукушкин

Солевар

«Автор»

2026

Кукушкин А. Н.

Солевар / А. Н. Кукушкин — «Автор», 2026

Герой отправлял двадцать тонн соли в Казань и не думал о соли, которая была для него как воздух, всегда есть, всегда хватает, пока в офисе не появился конверт без обратного адреса. Внутри приглашение на экскурсию в соляную шахту с датой 1648 год. Он поехал за сторис и попал в XVI век. Теперь он таскает дрова в варнице, чистит црены от накипи, варит горькую соль. Он не знает, что его билет оплачен картой убитого стрельца. Что его компания принадлежит потомкам людей, которых он ещё встретит. Что бабушка, которую он не слушал, прятала в медальоне то, что он выбросил в мусорное ведро. Фрол, старый солевар, смотрит на него как на сына, которого потерял. Аграфена, вдова купца, даёт ему шанс. Григорий Строганов предлагает сделку. Единорог отдаёт рог... Когда начнётся Соляной бунт, Артём между толпой и кремлёвской стеной. Между народом, который он спасёт, и порталом, который вернёт его домой. Между любовью, которую он предал, и вечностью, которую он выбрал...

© Кукушкин А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. "Человек из изобилия"	8
Глава 2. "Три случая, когда соль была рядом"	11
Глава 3. "Экскурсия в прошлое"	14
Глава 4. "Падение в бездну"	20
Глава 5. "Первое пробуждение в прошлом"	26
Глава 6. "Помощник солеvara"	32
Глава 7. "Первое открытие"	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Кукушкин

Солевар

Пролог

Накладная мигала курсором, и я нажал «подтвердить», даже не взглянув на цифры — двадцать тонн соли уходили в Казань, а я думал о том, что кофе давно остыл и теперь, он пахнет мокрой тряпкой.

Я потянулся за кружкой, задел локтем стопку папок, и одна рухнула на пол, рассыпавшись веером, и я присел на корточки собирать листы, и подумал, что третий год работаю логистом и отправил столько соли, что мог бы засыпать ею МКАД, но ни разу не задумался, откуда она берётся и зачем людям столько хлорида натрия. Соль была для меня фоном, как воздух, вода, или реклама в лифте, которую не замечаешь, пока она не исчезнет, и я был человеком из изобилия и не знал этого, потому что изобилие, как и совесть, чувствуешь только тогда, когда оно кончается.

— Ковалёв, ты опять с солью воюешь? — Петров заглянул из-за перегородки с бутербродом, из которого торчала колбаса, похожая на язык, и я кивнул, не отрываясь от пола.

— А с чем ещё воевать? — ответил я, и он засмеялся, и я засмеялся тоже, потому что вопрос был риторический, и потому что в нашей конторе, кроме соли, возили разве что кошачий корм, который мы в прошлом месяце по ошибке отправили в Пермь вместо Сургута, и за это мне до сих пор вычитали из премии.

Я встал, отряхнул колени и обнаружил на брюках белое пятно от тонера, попытался его стереть, и стало только хуже, и я подумал, что так и хожу весь день: в пятнах, в долгах, в иллюзиях, что жизнь вот-вот наладится, если купить новый айфон. Принтер зажевал бумагу, и я выругался, потому что это был уже третий раз за утро, и я дёрнул замятый лист, и он порвался пополам, и половина осталась в недрах машины, и я подумал, что этот принтер меня ненавидит лично, и что фирма, от которой он нам достался, разорилась, наверное, именно из-за таких принтеров.

Кофемашина булькнула и выплюнула мне в кружку что-то коричневое, и я отпил, и это было горькое, и я подумал, что даже кофе у нас избыточный, его много, и он ужасный, и это тоже своего рода символ, но думать о символах, это не про логиста, а про филолога, а филологи, насколько я знал, зарабатывали ещё меньше. Петров ушёл на обед, хлопнув дверью, и я остался один, если не считать гула кондиционера, который работал так громко, будто собирался взлететь.

Я сел за стол, открыл новую накладную и тут заметил на краю конверт, которого раньше не было, на вид: плотный, кремовый, с моим именем, написанным от руки красивым почерком, без обратного адреса, без марки и без индекса, и я подумал, что это либо спам, либо неприятности, и что в моём мире конверты без адресов, это всегда неприятности. Я вскрыл его ножницами, и внутри лежал белый, гладкий, тёплый, будто живой обломок рога, какого-то древнего животного, и я посмотрел на него, и не понял, откуда он взялся, и не понял, почему он тёплый, и не вспомнил, что бабушка когда-то показывала мне такой же, и что я его выбросил, а курьер, с виноватым видом взял и вернулся за конвертом, потребовав его обратно.

«Соль это жизнь, Артёмка», — говорила бабушка, сажая меня на колени, хотя мне было уже двенадцать, и я был тяжёлый, и колени у неё хрустели, как старые половицы, и я закатывал глаза, потому что думал о планшете, который лежал дома без зарядки, и о мультике, который скоро кончится.

Я сидел и кивал, и бабушка рассказывала про блокаду, про то, как люди меняли последнюю горсть соли на хлеб, и я слушал вполуха, и думал о том, что кот Матроскин, наверное, уже разбил вазу, и что мама будет ругаться, и мне надо домой. Я не понимал, как можно убить за белый порошок, и сказал это вслух, и бабушка замолчала, и посмотрела на меня так, будто я сказал что-то страшное, и я засмеялся, потому что вопрос был глупый, и я это знал.

Я подумал, что она обиделась, и хотел извиниться, но тут я потянулся за печеньем, задел локтем чашку с чаем, и чай разлился по скатерти, и бабушка вздохнула, и я побежал за тряпкой, и всё стало нормально, кроме того, что бабушка больше не говорила про соль, и я подумал, что это и к лучшему, потому что про войну, это не для двенадцатилетнего, и что я ещё успею послушаться, когда вырасту.

Потом она умерла, и я поехал на похороны, и стоял у гроба, и думал о том, что не успел извиниться, и о том, что мультик так и не досмотрел, и о том, что надо забрать кота, и кто будет его кормить, и не нужно ли купить новый планшет, потому что старый работал медленно. Я думал обо всём этом, стоя у гроба, и мне было не стыдно, а просто тошно, потому что в церкви было душно, и священник говорил что-то длинное, и я не слушал.

Я вспомнил, как она сажала меня на колени, и как колени хрустели, и как пахло лавандой от её платья, и я подумал, что это всё, что у меня осталось, и что я даже не запомнил, как она выглядела в последний раз, и что я был дураком, и что теперь уже поздно.

После похорон я зашёл в её комнату, и увидел шкатулку на комод, и открыл её, потому что был любопытный, и внутри лежал странный предмет — белый, гладкий, тёплый, как будто живой, и я взял его в руку, и он был тяжёлый, и я подумал, что это какой-то сувенир, и что бабушка собирала всякую ерунду, и что мне это не нужно, и что его можно продать на Авито, и что бабушка бы обиделась, но бабушки больше не было.

Я повертел его в руках, и он блестел, и я подумал, что это, наверное, фарфор, и что он красивый, но бесполезный, и что я не знаю, куда его деть, и что в моей квартире и так мало места, и что я не коллекционер, и я выбросил его в мусорное ведро, и пошёл домой, и забыл про него, потому что у меня были дела, и кредит, и подписка, и новый айфон, который я хотел купить, и я не думал о шкатулке, и не думал о бабушке, и не думал о соли, и думал только о том, что нужно купить корм для кота, но потом я пожалел.

Мел крошился на пиджак профессора, и я считал мух на потолке, потому что лекция была скучная, как прошлогодний снег, и потому что в животе урчало, до столовой оставалось сорок минут, а там опять дадут кашу, которую я не ем с первого класса.

— Соляной бунт 1648 года, — говорил профессор, стуча указкой по доске, и я кивал, хотя не слушал, потому что думал о том, что нужно купить новый чехол для телефона, и о том, что стипендия задерживается, и о том, что сестра опять просит денег в долг, и всё это крутилось в голове, как барабан стиральной машины, и я не мог остановиться.

Аудитория гудела, как улей, и кто-то храпел на задней парте, и кто-то грыз яблоко, и яблоко хрустело так громко, что профессор останавливался и смотрел в нашу сторону, и мы все делали вид, что слушаем, хотя никто не слушал, кроме, может быть, отличницы с первой парты, которая записывала каждое слово, и я думал, что она сошла с ума, потому что зачем записывать то, что можно найти в интернете, и зачем вообще ходить на лекции, если есть Википедия.

Я полез в рюкзак за ручкой, и рюкзак зашуршал так громко, что все обернулись, и я покраснел, и ручку так и не нашёл, потому что у меня её не было, и я подумал, что надо бы купить, но денег нет, и стипендии нет, и есть только кредит и подписка на музыку, которую я слушаю в метро, чтобы не слышать, как люди кашляют.

— Соль это не только товар, — сказал профессор вдруг, и я поднял голову, потому что интонация изменилась, и он говорил тише, и это было странно, потому что он обычно кричал, и мел ломался в его руках, и он не замечал.

— Это власть, — продолжил он, и посмотрел прямо на меня, и я вздрогнул, потому что не ожидал, что он заметит, что я не слушаю, и я сделал вид, что записываю, хотя писать было нечем, и я искал ручку в рюкзаке, и рюкзак шуршал, и это было громко, и все посмотрели на меня, и я покраснел ещё сильнее.

Я подумал, что он просто устал, и что ему нужно в туалет, и что лекция скоро кончится, и я пойду в столовую, и попробую не есть кашу, а купить бутерброд, хотя бутерброды у нас тоже так себе, с варёной колбасой, которая пахнет резиной, и что жизнь, такая штука, где ты всегда выбираешь между кашей и резиной, и ни то, ни другое не радует.

Профессор отвернулся и продолжил лекцию, и я выдохнул, и подумал, что пронесло, и что он просто устал, и что мне нужно купить новую ручку, и что надо бы зайти в канцелярский магазин после пар, но не зайду, потому что денег нет, и потому что кредит, и потому что айфон, который я хочу купить в следующем месяце, и который стоит как моя стипендия за три месяца.

Экзамен я сдал на четвёрку, потому что ответил что-то про налоги и про Морозова, и про то, что народ восстал, и профессор кивнул, и поставил оценку, и я вышел из аудитории, и забыл про соль, потому что впереди были каникулы, и друзья, и пиво, и я не думал о лекции, и не думал о профессоре, и не думал о власти, и думал только о том, что нужно позвонить сестре и сказать, что денег у меня нет, и что она опять будет плакать в трубку, и что я устал от этого.

Я вспомнил бабушку, которая говорила то же самое, про то, что за соль убивали, и я тогда закатывал глаза, и думал о планшете, и не слушал, и теперь мне стало стыдно, но стыдно было не за то, что не слушал, а за то, что вспомнил только сейчас, когда профессор сказал ту же фразу, и я не знал, почему он её сказал, и почему именно сейчас, и почему после даты 1648 на конверте.

Через двадцать лет я пойму, что он был прав, но будет поздно, потому что я уже буду в прошлом, и соль будет не фоном, а жизнью, и я буду варить её в цренах, и чистить от накипи, и таскать дрова, и меня будут убивать за неё, и я буду убивать, и я не смогу вернуться, и не смогу забыть, и не смогу простить себя за то, что не слушал.

Но это потом, а сейчас я шёл по коридору, и думал о бутерброде, и не знал, что профессор смотрит мне в спину, и не знал, что он помнит меня, и не знал, что он видел меня раньше, в другом времени, в другом месте, и не знал, что он потомок стрелыца, которого я спасу, и не знал, что он знает это, и не знал, что он молчит, потому что боится, но профессор смотрел так, будто, что-то знал...

Глава 1. "Человек из изобилия"

Принтер зажевал накладную в третий раз за утро, и я дёрнул замятый лист, и он порвался пополам, и половина осталась в недрах машины, и я подумал, что этот принтер меня ненавидит лично, и что фирма, от которой он нам достался, разорилась, наверное, именно из-за таких принтеров.

Я встал, отряхнул колени и обнаружил на брюках белое пятно от тонера, попытался его стереть рукавом, и стало только хуже, и пятно расплылось серым облаком, и я подумал, что так и хожу весь день в пятнах, в долгах, в иллюзиях, что жизнь вот-вот наладится, если купить новый айфон, который я присмотрел в прошлом месяце и который стоил как моя зарплата за три месяца. Я работал логистом уже третий год, и за это время отправил столько фур с солью, что мог бы составить из них железнодорожный состав от Москвы до Урала, и ни разу не задумался, откуда она берётся и зачем людям столько хлорида натрия, потому что соль была для меня фоном, которую не замечаешь, пока она не исчезнет.

Я был человеком из изобилия и не знал этого, потому что изобилие, как и совесть, чувствуешь только тогда, когда оно кончается, а у меня оно не кончалось, и я думал, что завтра будет таким же, как сегодня, и как вчера, и как три года назад, когда я пришёл в эту контору и думал, что задержусь на полгода, а задержался на три года, и даже не заметил, как.

Кофемашина булькнула и выплюнула мне в кружку что-то коричневое, и я отпил, и это было горькое, и я подумал, что даже кофе у нас изобильный, его много, и он ужасный, и это тоже своего рода символ, но думать о символах, это не про логиста, а про филолога, а филологи, насколько я знал, зарабатывали ещё меньше, и поэтому я не думал о символах, а думал о кредите, о подписке на музыку, о том, что стипендия сестры задерживается, и о том, что в столовой снова дают кашу, которую я не ем с первого класса, и всё это крутилось в голове, как барабан стиральной машины, и я не мог остановиться, и не хотел, потому что если остановиться, то придётся думать о чём-то важном, а важного у меня не было.

Я вспомнил, как три года назад пришёл на собеседование, и директор спросил, знаю ли я что-нибудь о соли, и я сказал, что она белая и солёная, и директор засмеялся, и сказал, что этого достаточно, и я подумал тогда, что это хорошая работа, потому что не нужно ничего знать, и что я быстро найду что-то получше, и не нашёл, и теперь сидел в том же кабинете, с тем же принтером, и с той же кашей в столовой, и это было немного смешно, и немного грустно, и совсем не важно.

Петров ушёл на обед, хлопнув дверью, и я остался один, если не считать гула кондиционера, который работал так громко, будто собирался взлететь, и стрекота клавиатуры из соседнего кабинета, где бухгалтерша Марина печатала что-то с такой яростью, будто мстила клавишам за личное оскорбление. Я сел за стол, открыл новую накладную и тут заметил на краю конверт, которого раньше не было — плотный, кремовый, с моим именем, написанным от руки красивым почерком, без обратного адреса, без марки и без индекса, и я подумал, что это либо спам, либо неприятности, и что в моём мире конверты без адресов, это всегда неприятности.

Я вскрыл его ножницами, и внутри лежало приглашение на экскурсию в соляную шахту, и я перечитал его дважды, потому что не понял, кто его прислал, и почему мне, и почему именно в шахту, а не в музей или на выставку, и почему на конверте стоял логотип нашей компании, который я почему-то никогда раньше не замечал, хотя работаю здесь три года.

Конверт был запечатан моим почерком.

Петров вернулся с обеда раньше, чем я успел спрятать конверт, и увидел его первым, потому что я держал его в руках как дурак, не зная, что с ним делать, и дата 1648 смотрела на меня с наглой очевидностью, будто это была не опечатка, а послание.

— Ты что, в музей собрался? — спросил Петров, откусывая яблоко, и хрустнул так громко, что я вздрогнул, и конверт выпал у меня из рук, и упал прямо в лужу от растаявшего снега с его ботинка, и я подумал, что день сегодня какой-то неправильный, с самого утра.

Я поднял конверт, вытер его рукавом, и мокрое пятно расплылось, и дата стала ещё заметнее, и Петров посмотрел на неё, и перестал жевать, и это было странно, потому что Петров никогда не перестаёт жевать, если у него во рту есть еда.

— 1648, — сказал он тихо, и я кивнул, и сказал, что это, наверное, опечатка, и что учредители у нас странные, и что я вообще не понимаю, зачем мне эта экскурсия, и что соль — это просто соль, и что в шахту можно съездить и так, без приглашений, как нормальные люди.

— Соль — это не просто соль, — ответил Петров, и сел напротив, и положил яблоко на стол, и яблоко покатилося, и упало на пол, и закатилось под батарею, и он даже не посмотрел на него, и это было ещё страннее, потому что Петров всегда поднимает еду с пола, если она упала, потому что он из поколения, которое не выбрасывает хлеб.

Я подумал, что он ведёт себя как человек, который знает что-то важное, но не хочет говорить, и что, может быть, он просто устал, или голоден, или поссорился с женой, и что не стоит принимать всё на свой счёт, и что я вообще слишком много думаю о чужом настроении, потому что у меня своего хватает.

— Если завтра соль исчезнет, мир рухнет, — сказал Петров вдруг, и я засмеялся, потому что шутка была старая, и я её слышал раз десять, и все засмеялись, и я засмеялся громче всех, потому что смеяться громче всех — это привычка, от которой я не мог избавиться, хотя пытался, и потому что мне казалось, что если я смеюсь громче всех, то я как будто контролирую ситуацию, а ситуация была странная.

Петров не засмеялся. Он посмотрел на меня так, будто я сказал что-то не то, и я перестал смеяться, и почувствовал себя глупо, и подумал, что надо было промолчать, и что смех — это не всегда хорошая реакция, особенно когда человек говорит серьёзно.

Я вспомнил бабушку, которая говорила то же самое — про то, что за соль убивали, и я тогда закатывал глаза, и думал о планшете, и не слушал, и теперь мне стало стыдно, но стыдно было не за то, что не слушал, а за то, что вспомнил только сейчас, когда Петров сказал ту же фразу, и я не знал, почему он её сказал, и почему именно сейчас, и почему после даты 1648.

— Ты бы поехал, — сказал Петров, и посмотрел мне в глаза, и я не понял, шутит он или серьёзно, и не знал, что ответить, и не знал, что думать, и не знал, что день уже не идёт хорошо, и что что-то действительно не так, и что я узнаю это слишком поздно.

— Почему? — спросил я, и он помолчал, и сказал, что там что-то не так, и я засмеялся, потому что Петров всегда говорит, что что-то не так, и потому что он параноик, и потому что я не верю в заговоры, и в тайны, и в учредителей, которые пишут нам напрямую.

— Там что-то не так, — повторил он, и встал, и пошёл к себе, и яблоко так и осталось под батареей, и я подумал, что его съест мышь, или уборщица, или оно сгниёт, и что это тоже своего рода символ, но думать о символах — это не про логиста.

Я посмотрел на конверт, и дата 1648 смотрела на меня, и я не знал, что с ней делать, и не знал, ехать или не ехать, и не знал, что Петров прав, и что там действительно что-то не так, и что я узнаю это, когда будет уже поздно. Петров знал про бабушкин медальон.

Я решил поехать, хотя не понимал зачем, и открыл сайт, чтобы купить билет, и сайт завис, как всегда, и я подумал, что даже интернет не хочет, чтобы я куда-то ездил, и что лучше бы я остался дома, посмотрел сериал, заказал пиццу и забыл про эту экскурсию, про дату 1648, про слова Петрова и про бабушку, которую я вспомнил против воли.

Я думал: поехать или не поехать? Если поеду — потеряю день, потрачу деньги, которые и так в обрез, и получу неизвестно что. Если не поеду — буду потом всю жизнь жалеть, что не съездил, и это тоже потеря, только невидимая. Я подумал, что жизнь — это такие маленькие

выборы, из которых потом складывается что-то большое, и я не знал, что выбрать, и нажал «оплатить», потому что так было проще, чем думать.

Сайт ожил, и я ввёл данные карты, и карта не прошла, и я попробовал другую, и она тоже не прошла, и я выругался, потому что денег на счету было мало, и я потратил их на подписки, на кофе, на всякую ерунду, и теперь билет на экскурсию в соляную шахту казался мне роскошью, которую я не мог себе позволить, и это было смешно, потому что билет стоил как два обеда в столовой, но столовая давала кашу, а экскурсия — неизвестно что.

Я позвонил в банк, и трубку взяла женщина с голосом, будто она жевала вату, и она сказала, что у меня заблокирована операция, и я спросил почему, и она сказала, что подозрительная активность, и я спросил, какая активность, если я просто покупаю билет, и она сказала, что не может объяснить, и что нужно приехать в отделение, и я подумал, что это заговор, и что банк не хочет, чтобы я ехал в шахту, и что это уже слишком.

Я вспомнил, как три года назад открыл счёт в этом банке, и менеджер сказал, что это надёжный банк, и я поверил, потому что мне было двадцать три, и я верил всему, и теперь сидел с заблокированной картой и думал, что надёжность — это тоже иллюзия, как изобилие, как соль, как всё, что кажется постоянным, пока не кончится.

Я поехал в отделение, хотя мог бы не ехать, и мог бы плюнуть на всё, и остаться дома, но что-то тянуло меня, как магнит, и я не понимал, что это, и не хотел понимать, потому что если начать понимать, то придётся признать, что я сошёл с ума, и что дата 1648 — это не опечатка, и что Петров знает что-то, чего не знаю я, и что бабушка была права, и что соль — это не просто соль.

В отделении была очередь, и я простоял в ней час, и думал о том, что жизнь — это очередь, и что я всю жизнь стою в какой-нибудь очереди, и что когда я умру, то тоже буду стоять в очереди, и что это смешно, и что надо бы написать об этом книгу, но я не писатель, а логист, и логисты пишут только накладные. Я задел плечом стойку с буклетами, и буклеты упали, и я присел собирать их, и порвал рукав, и подумал, что день идёт наперекосяк, и что мне нужно отдохнуть, и что, может быть, я заболел, и что температура у меня, и что поэтому всё кажется странным.

Женщина в окне сказала, что операция разблокирована, и я вышел на улицу, и купил билет через телефон, и билет пришёл на почту, и я открыл его, и там была дата, и время, и место сбора, и я подумал, что всё, теперь назад нельзя, и что я действительно еду, и что это не сон, и не галлюцинация, и не розыгрыш Петрова.

Я сел в кафе напротив, чтобы выпить кофе, и кофе был горячий, и я обжёгся, и выругался, и кофе пролился на стол, и я вытер его салфетками, и салфетки порвались, и я подумал, что день идёт наперекосяк, и что мне нужно отдохнуть, и что, может быть, я заболел, и что температура у меня, и что поэтому всё кажется странным.

Я открыл билет снова, чтобы перечитать, и тут увидел, что между страницами что-то лежит, и я вытащил это, и это был обломок рога — белый, гладкий, тёплый, и я посмотрел на него, и не понял, откуда он взялся, и не понял, почему он тёплый, и не вспомнил, что такой же обломок я нашёл в конверте из пролога, который выбросил, и о котором забыл.

Я выбросил такой же. Два дня назад.

Глава 2. "Три случая, когда соль была рядом"

Бабушка сунула мне в руки медальон, и я сунул его в карман, не глядя, потому что опаздывал на поезд, и телефон уже показывал время отправления, и я думал только о том, что если опоздаю, то билет сгорит, а билет стоил как половина моей стипендии.

— Носи его, Артёмка, — сказала бабушка, и голос у неё был хриплый, как будто она долго молчала, и я кивнул, и уже тянулся к двери, и она схватила меня за рукав, и рукав треснул, и я подумал, что это уже третья вещь за месяц, которую я порвал, и что мама будет ругаться.

Я обернулся, и бабушка смотрела на меня так, будто видела в последний раз, и я подумал, что она опять начинает про войну, и что мне некогда, и что поезд не ждёт, и что я потом приеду, и всё расскажу, и выслушаю, и она отпустила рукав, и я побежал по лестнице, и споткнулся на второй ступеньке, и чуть не упал, и медальон выскочил из кармана, и покатился вниз, и я не стал его подбирать, потому что времени не было, и подумал, что заберу потом, когда приеду в следующий раз.

Я вспомнил, как в детстве она показывала мне этот медальон, и как он был тёплый, и как пах лавандой, и как она говорила, что это семейная реликвия, и я тогда закатил глаза, и сказал, что реликвии — это для музеев, и она замолчала, и больше не показывала, и я подумал, что зря тогда так сказал, но было уже поздно, и поезд не ждёт.

Я добежал до вокзала, и поезд уже стоял, и я запрыгнул на подножку, и дверь закрылась у меня перед носом, и я остался на перроне, и телефон показывал, что билет сгорел, и я выругался, и сел на скамейку, и подумал, что день идёт наперекосяк, и что мне нужно вернуться к бабушке, и забрать медальон, и извиниться, и всё рассказать.

Я вернулся вечером, и бабушка спала, и я не стал её будить, и взял медальон с пола, и сунул в карман, и поехал домой, и забыл про него, потому что были дела, и кредит, и подписка, и новый айфон, и я не думал о медальоне, и не думал о бабушке, и не думал о том, что она хотела мне сказать.

Медальон нашёлся в кармане убитого стрелца.

Проектор гудел, как трансформаторная будка, и на доске расплывалась карта соляных скважин XVI века, а я сидел на задней парте и пытался открыть банку энергетика, которая не открывалась, потому что язычок оторвался, и я ковырял его ногтем, и думал о том, что даже банка меня не уважает.

— Соляной бунт 1648 года, — говорил профессор, и указка стучала по карте, и я мельком взглянул на неё, и увидел россыпь точек вдоль Камы, и одна из них была обведена красным кружком, и подпись рядом гласила «Солеварня Ф.», и я подумал, что это забавное совпадение, потому что Ф — это первая буква фамилии Фролова, который сидел через два ряда от меня и храпел, и я не знал, что через три года я сам нарисую точно такую же карту, и что красная точка будет моей.

Аудитория спала, и я спал бы тоже, если бы не банка, которая наконец открылась, и энергетик выплеснулся мне на джинсы, и я выругался, и полез за салфетками, и салфетки кончились, и я вытер джинсы конспектом, и конспект промок, и теперь на нём было пятно в форме Камы, и это было иронично, потому что Кама — это река, и река — это вода, и вода — это то, чем я облился, и я подумал, что символы преследуют меня даже в университете.

Я вспомнил, как в школе учитель географии показывал нам карту Урала, и я не слушал, и получил двойку, и мама ругалась, и я обещал исправиться, и не исправился, и теперь сидел в университете и снова не слушал, и снова смотрел на карту, и снова не запоминал, и подумал, что, наверное, это мой талант — не запоминать то, что потом спасёт мне жизнь.

— Соль — это не товар, это власть, — сказал профессор, и я поднял голову, потому что интонация изменилась, и он говорил тише, и смотрел не на аудиторию, а на карту, и его палец остановился на красной точке, и он сказал: «Вот здесь, на этой скважине, один солевар решил, что он умнее всех, и пробурил глубже, чем нужно, и что из этого вышло — вы узнаете на следующей лекции».

Я подумал, что это звучит как начало плохого анекдота, и что солевар, который бурил глубже, чем нужно, — это, наверное, метафора, и что я не понимаю метафор, потому что я логист, а не филолог, и что мне нужно допить энергетик, и что джинсы всё ещё мокрые, и что день идёт наперекосяк, хотя утро только началось.

Экзамен я сдавал через неделю, и выучил только то, что Соляной бунт был в 1648 году, и что народ восстал из-за налога, и что Морозов сбежал, и что Плещеева убили, и этого хватило на четвёрку, и я вышел из аудитории, и забыл про соль, и про карту, и про красную точку, и про солеvara, который бурил глубже, чем нужно, и думал только о том, что в столовой сегодня дают пельмени, и что пельмени — это лучше, чем каша, и что жизнь налаживается.

Я вспомнил карту через пять лет, когда стоял в варнице по колено в рассоле, и Фрол показал мне точно такую же карту, и красная точка была на том же месте, и я понял, что профессор знал, и что я не слушал, и что соль действительно не прощает.

Но это потом, а сейчас я шёл в столовую, и думал о пельменях, и не знал, что профессор смотрит мне в спину, и не знал, что он потомок стрелыца, которого я спасу, и не знал, что карта скважин — это не учебный материал, а предупреждение.

Профессор сказал: «Соль не прощает гордыни».

Кондиционер в конференц-зале сломался, и было душно, как в парилке, и я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, и тут же оторвал её, и пуговица покатила по столу, и остановилась у тарелки с оливье, и я подумал, что даже пуговицы меня предают.

Корпоратив был скучный, как все корпоративы, и директор говорил про успехи, и про то, что мы отгрузили рекордное количество соли, и про то, что в следующем году будет ещё больше, и все хлопали, и я хлопал тоже, и думал о том, что успехи — это когда ты отправляешь двадцать тонн соли, и не думаешь о ней, и что это и есть изобилие, и что я его заслужил, потому что три года не опаздывал, если не считать сегодня, когда я опоздал на пятнадцать минут, потому что искал вторую пуговицу.

Петров сидел через два стола, и он не ел, и не пил, и смотрел в одну точку, и это было странно, потому что Петров всегда ест, и всегда пьёт, и всегда смеётся громче всех, и я подумал, что он, наверное, заболел, или поссорился с женой, или что-то узнал, и что-то скрывает, и что не стоит лезть, потому что у меня своих проблем хватает.

Я вспомнил, как в прошлом году на корпоративе Петров напился, и рассказал, что он раньше был геологом, и что он ушёл из геологии, потому что там скучно, и что он нашёл кое-что в подземных пластах, и что это кое-что изменило его жизнь, и я тогда не слушал, потому что Петров всегда рассказывает что-то странное, когда напьётся, и я подумал, что это просто пьяные байки, и что геология — это скучно, и что я не хочу слушать про подземные пласты, и что мне нужно допить пиво, и что пиво тёплое, и что кондиционер точно сломался.

— Если завтра соль исчезнет, мир рухнет, — сказал Петров вдруг, и встал, и все обернулись, и он посмотрел на меня, и я засмеялся, потому что шутка была старая, и я её слышал раз десять, и все засмеялись, и я засмеялся громче всех, потому что смеяться громче всех — это привычка, от которой я не мог избавиться, хотя пытался, и потому что мне казалось, что если я смеюсь громче всех, то я как будто контролирую ситуацию, а ситуация была странная.

Петров не засмеялся. Он подошёл ко мне, и сел рядом, и положил руку мне на плечо, и рука у него была холодная, и я подумал, что он, наверное, заболел, и что у него температура,

и что ему нужно к врачу, и что не стоит принимать всё на свой счёт, и что я вообще слишком много думаю о чужом настроении.

— Ты бы поехал на эту экскурсию, — сказал он тихо, и посмотрел мне в глаза, и я не понял, шутит он или серьёзно, и не знал, что ответить, и не знал, что думать, и не знал, что день уже не идёт хорошо, и что что-то действительно не так, и что я узнаю это слишком поздно.

— Почему? — спросил я, и он помолчал, и сказал, что там что-то не так, и я засмеялся, потому что Петров всегда говорит, что что-то не так, и потому что он параноик, и потому что я не верю в заговоры, и в тайны, и в учредителей, которые пишут нам напрямую, и потому что мне нужно допить пиво, и что пиво тёплое, и что кондиционер точно сломался.

— Там что-то ждёт тебя, — сказал он, и встал, и пошёл к выходу, и я подумал, что он, наверное, устал, и что ему нужно домой, и что я потом позвоню ему, и спрошу, что случилось, и что всё нормально, и что он просто устал, и что не стоит принимать всё на свой счёт.

Я допил пиво, и оно было тёплое, и я выругался, и поставил бутылку на стол, и бутылка качнулась, и упала, и разбилась, и осколки полетели во все стороны, и один попал мне в руку, и я выругался громче, и все обернулись, и я подумал, что день идёт наперекосяк, и что мне нужно домой, и что нужно поспать, и что завтра будет лучше, и что это всё ерунда, и что Петров просто устал, и что не стоит принимать всё на свой счёт.

Я поехал домой, и лёг спать, и не думал про Петрова, и не думал про экскурсию, и не думал про соль, и думал только о том, что нужно купить новый айфон, и что кредит не ждёт, и что жизнь — это такая штука, где ты всегда думаешь о ерунде, и не думаешь о важном.

На следующий день Петров не пришёл на работу.

Глава 3. "Экскурсия в прошлое"

Письмо пришло в понедельник, и я открыл его на кухне, стоя босиком на холодном кафеле, потому что тапочки я наступил ночью, и подошва отклеилась, и я подумал, что даже тапочки меня предают, и что нужно купить новые, но денег нет, и кредит не ждёт.

Конверт был плотный, кремовый, с моим именем, написанным от руки красивым почерком, с наклоном вправо, и я подумал, что это либо спам, либо неприятности, и что в моём мире конверты без обратного адреса — это всегда неприятности, и что лучше бы я не открывал, и что любопытство — это плохая привычка, особенно для логиста, который привык к цифрам, а не к тайнам.

Я вскрыл конверт ножницами, и ножницы соскользнули, и порезали мне палец, и кровь капнула на бумагу, и оставила бурое пятно, и я выругался, и подумал, что день идёт наперекосяк, и что мне нужно купить новые ножницы, и что старые уже тупые, и что всё в этой жизни тупое, включая меня самого.

Внутри было приглашение на экскурсию в соляную шахту, и я прочитал его дважды, потому что не понял, кто его прислал, и почему мне, и почему именно в шахту, а не в музей или на выставку, и почему на конверте стоял логотип нашей компании, который я почему-то никогда раньше не замечал, хотя работаю здесь три года, и что это странно, и что странности в моей жизни случаются слишком часто, чтобы быть случайностью.

Я посмотрел на почерк, и он был красивый, с наклоном вправо, и я подумал, что это почерк старого человека, который учился писать в школе с чернильницей, и что таких людей сейчас мало, и что, наверное, это кто-то из учредителей, и что учредители у нас странные, и что я вообще не понимаю, зачем мне эта экскурсия, и что соль — это просто соль, и что в шахту можно съездить и так, без приглашений, как нормальные люди.

Я вспомнил, как в детстве бабушка показывала мне старые письма, и как почерк у неё был такой же — с наклоном вправо, и как она говорила, что так писали купцы, и что купцы были хитрые, и что им нельзя верить, и я тогда закатил глаза, и сказал, что купцы давно умерли, и она замолчала, и больше не показывала письма, и я подумал, что зря тогда так сказал, но было уже поздно, и бабушки больше не было.

Я положил письмо на стол, и оно лежало там, и смотрело на меня, и я не знал, что с ним делать, и не знал, ехать или не ехать, и не знал, что Петров был прав, и что там действительно что-то не так, и что я узнаю это, когда будет уже поздно, и что жизнь — это такие маленькие выборы, из которых потом складывается что-то большое, и я не знал, что выбрать, и нажал «согласен», потому что так было проще, чем думать.

Я позвонил на работу, и сказал, что беру отгул, и начальник спросил почему, и я сказал, что по личным обстоятельствам, и он спросил, по каким, и я сказал, что не могу объяснить, и он вздохнул, и сказал, что ладно, и я подумал, что это всё ерунда, и что я просто хочу съездить, и сделать фотографии, и выложить в сторис, и получить лайки, и что это не опасно, и что не о чем переживать.

Я собрал рюкзак, и положил туда телефон, и зарядку, и бутылку воды, и бутерброд, и подумал, что я как школьник на экскурсию, и что это смешно, и что мне двадцать шесть лет, и что я должен вести себя серьёзно, и что серьёзность — это когда ты платишь кредит, и ходишь на работу, и не едешь в соляные шахты по приглашениям без обратного адреса.

Я сел в машину, и завёл двигатель, и поехал, и радио играло, и я думал о том, что нужно купить новые тапочки, и что кредит не ждёт, и что жизнь — это такая штука, где ты всегда думаешь о ерунде, и не думаешь о важном, и что, наверное, это и есть изобилие, и что я его не заслужил, и что мне нужно быть благодарным, и что я неблагодарный, и что всё плохо.

Я приехал к шахте, и вышел из машины, и увидел толпу людей, и они все стояли с телефонами, и делали селфи, и я подумал, что это как на концерт, и что соль — это новая рок-звезда, и что это смешно, и что мне нужно сделать селфи, и выложить в сторис, и получить лайки, и что это не опасно, и что не о чем переживать.

Я достал телефон, и открыл письмо, чтобы перечитать, и тут увидел, что между страницами что-то лежит, и я вытащил это, и это была карта, и я развернул её, и увидел россыпь точек вдоль Камы, и одна из них была обведена красным кружком, и подпись рядом гласила «Солеварня Ф.», и я подумал, что это забавное совпадение, потому что Ф — это первая буква моей фамилии, и что это, наверное, просто совпадение, и что совпадения случаются, и что не о чем переживать.

Карта была нарисована моей рукой.

Лифт-клеть дребезжал, как старая стиралка у соседей снизу, и трос скрипел так, что я невольно впился в поручень, и поручень оказался липкий, и я подумал, что это, наверное, от чьих-то потных рук, и что шахта — это не место для чистюль, и что мне вообще-то страшно, хотя я старался не признаваться в этом даже себе.

— Глубина сорок метров, — сказала экскурсовод, девушка лет тридцати, с хвостом и в каске, которая сидела на ней криво, и я посмотрел на неё, и подумал, что она похожа на мою бывшую, Ленку, которая тоже носила хвост, и тоже говорила таким же голосом, будто читала выученный текст, и что это, наверное, профессиональное, и что все экскурсоводы такие.

— А глубже можно? — спросил какой-то мужик в спортивной шапке, и все засмеялись, и я засмеялся тоже, потому что мужик был смешной, и потому что смеяться в таких ситуациях — это нормально, и потому что если не смеяться, то придётся признать, что нам всем немного не по себе, и что мы сидим в железной клетке, которая болтается на тросе, и которая может оборваться в любую секунду, и что это, вообще-то, не очень весело.

Я достал телефон, и включил камеру, и навёл на себя, и попробовал улыбнуться, и улыбка получилась кривая, как у идиота, и я подумал, что в сторис это смотреть будет странно, и что лучше снять шахту, и что шахта — это интереснее, и что соль — это, наверное, тоже интересно, если снять красиво, и что нужно найти хороший ракурс, и что я, наверное, блогер, только без блога, и что это грустно.

— Тут, на этом ярусе, в XVII веке работали солевары, — продолжала экскурсовод, и я не слушал, потому что искал ракурс, и потому что свет был плохой, и потому что телефон глючил, как всегда, и потому что мне нужно было снять сторис, пока мы не уехали дальше, и потому что я вообще-то не понимал, зачем я сюда приехал, и что мне тут делать, и что, наверное, это была плохая идея.

Я вспомнил, как в детстве мы с пацанами спускались в подвал нашей пятиэтажки, и там было темно, и пахло сыростью, и мы боялись, но делали вид, что не боимся, и что это приключение, и что мы герои, и что нам не страшно, и что это было лет двадцать назад, и что с тех пор я не спускался ни в какие подвалы, и что, наверное, зря, и что жизнь — это такие штуки, которые ты потом жалеешь, что не сделал, или наоборот.

— Внимание, следующий ярус, — сказала экскурсовод, и лифт дёрнулся, и я чуть не выронил телефон, и телефон качнулся в руке, и я схватил его второй рукой, и сердце колотилось, и я подумал, что это, наверное, не очень героично, и что блогер из меня никакой, и что нужно держать себя в руках, и что я взрослый мужик, и что мне двадцать шесть, и что я не должен бояться лифта, даже если он скрипит, как чёрт знает что.

Мы остановились, и я вышел, и подошёл к стене, и потрогал её, и стена была мокрая, и пахла чем-то солёным, и я подумал, что это, наверное, и есть соль, и что она везде, и что она в стенах, и в воздухе, и во мне, наверное, тоже, и что это странно, и что я никогда не думал о соли так, и что, наверное, зря.

— Тут, говорят, привидения водятся, — сказал мужик в спортивной шапке, и все засмеялись, и я засмеялся тоже, и подумал, что мужик, наверное, шутит, и что привидения — это ерунда, и что я в них не верю, и что мне вообще-то всё равно, есть они или нет, и что я пришёл сюда не за привидениями, а за сторис, и что это важнее.

Я достал телефон, и навёл на стену, и нажал запись, и телефон завибрировал, и я подумал, что это, наверное, уведомление, и что нужно проверить, и что, может быть, это сообщение от Ленки, и что Ленка, наверное, написала, и что нужно ответить, и что я отвлекаюсь, и что нужно снять сторис, и что я не могу сосредоточиться, и что это плохо.

Я посмотрел на экран, и уведомления не было, и телефон просто вибрировал, и я подумал, что это, наверное, глюк, и что телефон старый, и что нужно купить новый, и что айфон — это мечта, и что кредит не ждёт, и что жизнь — это такая штука, где ты всегда хочешь что-то купить, и никогда не можешь, и что это, наверное, и есть изобилие, и что я его не заслужил.

Телефон выскользнул из рук.

Телефон полетел вниз, и я даже не подумал — просто рванулся за ним, как дурак, как идиот, как человек, который за три года ни разу не задумался, что некоторые вещи дороже айфона, и что телефон — это не сердце, и что его можно купить новый, а вот себя — нет.

Я прыгнул, и нога соскользнула с мокрого камня, и я полетел вниз, и воздух свистел в ушах, и я подумал, что это, наверное, и есть та самая секунда, когда жизнь проносится перед глазами, только у меня не проносилась, потому что там не было ничего, кроме накладных, кофе и кредита, и что это, вообще-то, грустно, и что я зря не путешествовал, и не любил, и не жил, а только отправлял двадцать тонн соли в Казань и не думал о ней.

Я ударился, и боль была такая, что я даже не закричал, потому что кричать было нечем, и воздух вышел из лёгких, и темнота накрыла, как одеяло, тяжёлое и солёное, и я подумал, что это, наверное, смерть, и что смерть пахнет солью, и что это иронично, и что я всю жизнь работал с солью, и вот она меня и забрала, и что это, наверное, справедливо, и что бабушка была права, и что соль — это не просто соль, и что я понял это слишком поздно.

Я вспомнил, как в детстве упал с велосипеда, и разбил коленку, и плакал, и мама несла меня на руках, и пахло зелёнке, и было тепло, и я подумал, что сейчас тоже тепло, только не мамиными руками, а чем-то другим, и что это странно, и что, наверное, это галлюцинации, и что мозг так прощается, и что это, наверное, нормально, и что не о чем переживать.

Я лежал, и темнота была густая, как мёд, и я не мог пошевелиться, и не мог вдохнуть, и подумал, что это, наверное, конец, и что жаль, что я не выложил сторис, и что сторис — это единственное, что осталось бы от меня, и что это печально, и что я прожил жизнь ради лайков, и не получил ни одного, и что это, наверное, и есть справедливость.

Я почувствовал, как что-то тёплое пульсирует в кармане, и подумал, что это, наверное, телефон, и что он ещё работает, и что это хорошо, и что, может быть, кто-то увидит мои фото, и поставит лайк, и что это, наверное, всё, что мне нужно, и что я не требую многого.

Я попробовал открыть глаза, и не смог, и попробовал закричать, и не смог, и подумал, что это, наверное, паралич, и что я теперь овощ, и что овощ — это тоже жизнь, и что, наверное, можно жить и так, и что главное — дышать, и что я дышу, и что это уже хорошо.

Я услышал голос, и он был далеко, и говорил на каком-то странном языке, и я подумал, что это, наверное, ангел, и что ангелы говорят на латыни, и что я не учил латынь, и что это плохо, и что я опять не подготовился, и что я всегда не готов, и что это, наверное, мой главный недостаток.

Голос приблизился, и я понял слова, и это был не ангел, и не латынь, и это был русский, но не мой русский, а какой-то другой, с другими словами, и с другой интонацией, и я подумал, что это, наверное, сон, и что я в больнице, и что мне дали какие-то лекарства, и что от них бывают галлюцинации, и что это нормально, и что не о чем переживать.

Голос сказал: «Эй, ты живой там?» — и я хотел ответить, что да, живой, и что я Артём, и что я логист, и что я отправлял соль, и что я дурак, и что я прыгнул за телефоном, и что теперь вот лежу, и что мне больно, и что помогите, но не смог, и только подумал, что голос странный, и что он говорит, как в фильме про Древнюю Русь, и что это, наверное, бред, и что бред — это тоже симптом, и что нужно сказать врачу, когда очнусь.

Я открыл глаза, и увидел лицо, и лицо было бородатое, и грязное, и смотрело на меня с таким выражением, будто я был не человеком, а находкой, и я подумал, что это, наверное, спасатель, и что спасатели сейчас такие, и что времена меняются, и что это хорошо.

Мужик сказал: «Ты кто такой будешь?» — и я хотел ответить, что я Артём, и что я логист, и что я из Москвы, и что у меня кредит, и что помогите мне встать, но язык не слушался, и я только мычал, и подумал, что это, наверное, шок, и что от шока бывает афазия, и что я читал про это в Википедии, и что это временно, и что не о чем переживать.

Мужик посмотрел на меня, и потом на мой карман, и вытащил оттуда обломок рога, и рог светился, и я подумал, что это, наверное, фонарик, и что у меня в кармане фонарик, и что я не помню, чтобы клал его, и что это странно, и что, наверное, это бабушкин медальон, и что я его нашёл, и что это хорошо, и что бабушка бы гордилась, и что я наконец-то сделал что-то правильно.

Мужик сказал: «Это что за диво?» — и я подумал, что он говорит, как в фильме, и что это всё-таки бред, и что бред бывает разный, и что мой бред — с историческим уклоном, и что это, наверное, потому что я смотрел много сериалов, и что это вредно, и что нужно читать книги, и что я прочту, когда очнусь, и что не о чем переживать.

Я посмотрел на мужика, и увидел, что он одет в какую-то странную одежду, и что это не форма спасателя, и что это, наверное, костюм, и что, может быть, это тематическая экскурсия, и что я упал, и меня нашли актёры, и что это приключение, и что это круто, и что я расскажу в сторис, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается.

Мужик повертел рог в руках, и рог перестал светиться, и я подумал, что это, наверное, батарейка села, и что нужно купить новые, и что я опять трачу деньги на ерунду, и что кредит не ждёт, и что жизнь — это такая штука, где ты всегда думаешь о ерунде, и не думаешь о важном.

Мужик посмотрел на меня, и сказал: «Ты, часом, не мёртвый ли?» — и я хотел ответить, что нет, живой, и что я просто упал, и что помогите мне встать, и что мне нужно в больницу, и что у меня, наверное, сотрясение, и что нужно сделать КТ, и что КТ — это дорого, и что кредит не ждёт, но не смог, и только мычал, и подумал, что мужик странный, и что он, наверное, актёр, и что он играет, и что это часть экскурсии, и что это круто, и что я напишу отзыв, и что мне поставят лайки.

Мужик поднял меня, и я был тяжёлый, и он крикнул, и я подумал, что он, наверное, не очень сильный актёр, и что нужно набрать массу, и что я тоже не в форме, и что нужно записаться в зал, и что я запишусь, когда вернусь, и что не о чем переживать.

Он понёс меня, и я увидел небо, и небо было другое, и я подумал, что это, наверное, от сотрясения, и что от сотрясения бывает двоение в глазах, и что это временно, и что не о чем переживать, и что я скоро поправлюсь, и что всё будет хорошо, и что кредит не ждёт, но я успею.

Мы шли, и я увидел деревянные строения, и я подумал, что это, наверное, декорации, и что это круто, и что я не знал, что тут есть такая экскурсия, и что нужно написать в отзыве, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Мужик донёс меня до какого-то сарая, и положил на сено, и сено колосось, и я подумал, что это, наверное, не очень гигиенично, и что нужно пожаловаться администратору, и что сено — это не для людей, и что люди спят на кроватях, и что я дома расскажу, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается.

Мужик сказал: «Лежи тут, а я за Фролом сбегаю», и я подумал, что Фрол — это, наверное, врач, и что врач с таким именем — это экзотика, и что это круто, и что я расскажу в сторис, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Он ушёл, и я остался один, и посмотрел на потолок, и потолок был деревянный, и я подумал, что это, наверное, настоящая деревня, и что это круто, и что это аутентично, и что я расскажу в сторис, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Я закрыл глаза, и подумал, что нужно поспать, и что сон — это лучшее лекарство, и что я посплю, и проснусь, и всё будет хорошо, и что кредит не ждёт, но я успею, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Я уснул, и мне приснилось, что я отправляю двадцать тонн соли в Казань, и что соль была для меня фоном, и что я был человеком из изобилия, и что я не знал этого, и что изобилие — оно как соль, и что ты его не замечаешь, пока оно не кончится, и что у меня оно кончилось, и что теперь я это знаю, и что это, наверное, и есть мудрость, и что мудрость — это когда ты понимаешь, что поздно, и что не о чем переживать.

Я проснулся, и увидел мужика, и мужик был другой, и старый, и бородатый, и смотрел на меня так, будто я был не человеком, а загадкой, и я подумал, что это, наверное, Фрол, и что Фрол — это врач, и что врач с таким именем — это экзотика, и что это круто, и что я расскажу в сторис, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Мужик сказал: «Ты кто такой будешь, и откуда взялся?» — и я хотел ответить, что я Артём, и что я логист, и что я из Москвы, и что я упал, и что помогите мне, и что мне нужно в больницу, и что у меня, наверное, сотрясение, и что нужно сделать КТ, и что КТ — это дорого, и что кредит не ждёт, но язык не слушался, и я только мычал, и подумал, что это, наверное, шок, и что от шока бывает афазия, и что я читал про это в Википедии, и что это временно, и что не о чем переживать.

Мужик посмотрел на меня, и потом на обломок рога, который лежал рядом, и рог не светился, и я подумал, что батарейка точно села, и что нужно купить новые, и что я опять трачу деньги на ерунду, и что кредит не ждёт, и что жизнь — это такая штука, где ты всегда думаешь о ерунде, и не думаешь о важном.

Мужик сказал: «Фрол, посмотри, что я нашёл», и я подумал, что он говорит с кем-то ещё, и что, наверное, это другой актёр, и что это круто, и что это часть экскурсии, и что я расскажу в сторис, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Я посмотрел на дверь, и в дверь вошёл ещё один мужик, и он был ещё старше, и ещё бородатее, и смотрел на меня так, будто я был не человеком, а чудом, и я подумал, что это, наверное, и есть Фрол, и что Фрол — это врач, и что врач с таким именем — это экзотика, и что это круто, и что я расскажу в сторис, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Фрол подошёл ко мне, и посмотрел на обломок рога, и потом на меня, и сказал: «Это что за диво такое?» — и я хотел ответить, что это, наверное, фонарик, и что у меня в кармане фонарик, и что я не помню, чтобы клал его, и что это странно, и что, наверное, это бабушкин медальон, и что я его нашёл, и что это хорошо, и что бабушка бы гордилась, и что я наконец-то сделал что-то правильно, но язык не слушался, и я только мычал, и подумал, что это, наверное, шок, и что от шока бывает афазия, и что я читал про это в Википедии, и что это временно, и что не о чем переживать.

Фрол взял обломок рога, и повертел его в руках, и рог был тёплый, и я подумал, что это, наверное, от батарейки, и что батарейка ещё работает, и что это хорошо, и что не нужно поку-

пать новые, и что я сэкономлю, и что кредит не ждёт, но я успею, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Фрол посмотрел на меня, и сказал: «Ты, часом, не с того света ли?» — и я хотел ответить, что нет, я с этого, и что я просто упал, и что помогите мне, и что мне нужно в больницу, и что у меня, наверное, сотрясение, и что нужно сделать КТ, и что КТ — это дорого, и что кредит не ждёт, но язык не слушался, и я только мычал, и подумал, что это, наверное, шок, и что от шока бывает афазия, и что я читал про это в Википедии, и что это временно, и что не о чем переживать.

Фрол положил обломок рога мне на грудь, и рог был тёплый, и я подумал, что это, наверное, грелка, и что это хорошо, и что мне тепло, и что я посплю, и проснусь, и всё будет хорошо, и что кредит не ждёт, но я успею, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать.

Я закрыл глаза, и подумал, что это, наверное, лучшая экскурсия в моей жизни, и что я расскажу в сторис, и что мне поставят лайки, и что жизнь налаживается, и что всё хорошо, и что не о чем переживать, и что я счастлив, и что это, наверное, и есть счастье, и что счастье — это когда тебе тепло, и когда рядом люди, и когда не нужно думать о кредите, и что я счастлив, и что это, наверное, и есть жизнь, и что жизнь — это такая штука, где ты всегда думаешь о ерунде, и не думаешь о важном, и что я наконец-то понял, и что это, наверное, и есть мудрость, и что мудрость — это когда ты понимаешь, что поздно, и что не о чем переживать.

Я уснул, и мне приснилось, что я отправляю двадцать тонн соли в Казань, и что соль была для меня фоном, и что я был человеком из изобилия, и что я не знал этого, и что изобилие — оно как соль, и что ты его не замечаешь, пока оно не кончится, и что у меня оно кончилось, и что теперь я это знаю, и что это, наверное, и есть мудрость, и что мудрость — это когда ты понимаешь, что поздно, и что не о чем переживать.

Фрол посмотрел на обломок рога и сказал: «Таких, как ты, я уже видел».

Глава 4. "Падение в бездну"

Сено кололо спину, как тысяча иголок, и я открыл глаза, и увидел потолок — деревянный, копчёный, с паутиной в углу, и подумал, что это, типа, очень аутентично, и что декораторы постарались, и что мне надо будет отметить их в сторис, если сторис вообще будут, и если телефон включится.

Я попробовал сесть, и голова закружилась, как на карусели в парке Горького, куда меня таскала мама в детстве, и я схватился за стенку, и стенка оказалась шершавой, и заноза впирается в ладонь, и я выдернул её, и она была длинная, и тёмная, и настоящая, и я подумал, что вот это уже перебор, и что занозы в декорациях — это, вообще-то, нарушение техники безопасности, и что я пожалуюсь администратору, и что мне положена компенсация, и что кредит не ждёт.

На лавке, в углу, сидел Фрол — тот самый бородатый мужик, что нашёл меня в шахте, и варил в горшке какую-то траву, и трава пахла горько, как микстура, которую мне давала бабушка, когда я болел ангиной, и запах этот ударил в нос, и я чихнул, и Фрол посмотрел на меня, и не сказал ни слова, и только подбросил в горшок ещё щепотку, и я подумал, что это, наверное, такой метод — молчание, и что он, типа, играет загадочного старца, и что это, вообще-то, клише, и что в Голливуде за такое сценариста увольняют.

— Э-э-э, — сказал я, и голос был хриплый, как будто я неделю курил, хотя не курю, и я откашлялся, и попробовал снова, — мужик, ты кто вообще? И где я? И это что, съёмочная площадка?

Фрол посмотрел на меня, и посмотрел так, будто я был не я, а кто-то другой, кого он давно знает, и кого потерял, и я подумал, что это, типа, хорошая актёрская игра, и что мужик, наверное, в театре служил, и что у него, наверное, есть награды, и что он, наверное, обижается, что его тут, в глуши, забыли.

— Ты в варнице, — сказал он наконец, и голос у него был низкий, как у Тихонова в «Семнадцати мгновениях», и я подумал, что он, типа, цитирует, и что это, вообще-то, мило, и что старшее поколение тоже умеет шутить.

— В какой ещё варнице? — спросил я, и сел, и голова закружилась снова, и я ухватился за лавку, и лавка скрипнула, и я подумал, что декорации, конечно, качественные, и что бюджет, наверное, был приличный, и что, наверное, это какой-то исторический сериал, и что я, типа, попал в массовку, и что мне, наверное, заплатят, и что это, вообще-то, неплохо, и что кредит не ждёт, но деньги не пахнут.

Я вспомнил, как падал, и как рог светился, и как это, вообще-то, невозможно, и что рога не светятся, и что это, наверное, был фонарик, и что я, наверное, принял фонарик за рог, и что это, вообще-то, смешно, и что я, наверное, выглядел как дурак, и что мне, наверное, стыдно, и что я, наверное, никогда не расскажу об этом Ленке, и что Ленка, наверное, будет смеяться, и что это, вообще-то, обидно.

— А я, — сказал я, и заикнулся, и откашлялся, — я, типа, упал, да? В шахте? И вы меня вытащили? Спасибо, конечно, но мне надо в больницу, и вообще, у меня, наверное, сотрясение, и мне нужно КТ, и это, типа, дорого, и кредит не ждёт.

Фрол посмотрел на меня, и нахмурился, и подбросил в горшок ещё щепотку, и трава зашипела, и запах стал ещё горьче, и я чихнул снова, и подумал, что это, типа, уже перебор, и что у меня, наверное, аллергия, и что мне, наверное, нужен антигистамин, и что зиртек, наверное, был бы кстати, и что я, наверное, куплю, когда вернусь, и что я, наверное, вернусь, и что это, наверное, скоро.

За стеной кто-то говорил, и голос был странный, с таким выговором, какого я не слышал ни в одном фильме, и я подумал, что это, типа, очень круто, и что лингвист постарался, и что,

наверное, это какой-то древнерусский диалект, и что я, наверное, слышал про это в университете, и что я, наверное, не слушал, и что это, наверное, моя проблема, и что я, наверное, всегда не слушаю, и что это, наверное, нехорошо.

— Слушай, дядя, — сказал я, и попробовал встать, и ноги зашатались, как у новорождённого жеребёнка, и я сел обратно, и подумал, что это, типа, уже не смешно, и что мне, наверное, правда нужна скорая, и что я, наверное, позвоню, и что телефон, наверное, в кармане, и что я, наверное, сейчас проверю.

Я полез в карман, и карман был пустой, и я полез в другой, и другой тоже пустой, и я подумал, что, типа, воришки тут работают, и что это, вообще-то, неприлично, и что я, наверное, пожалуюсь, и что мне, наверное, вернут телефон, и что в телефоне, наверное, все мои контакты, и что Ленка, наверное, будет волноваться, и что я, наверное, должен ей позвонить, и что я, наверное, сейчас найду телефон, и что всё, наверное, будет хорошо.

Фрол посмотрел на меня, и сказал: «Телефона у тебя нету, и не будет», и я подумал, что это, типа, очень убедительная игра, и что мужик, наверное, действительно в театре служил, и что у него, наверное, есть призы, и что он, наверное, обижается, что его тут забыли, и что я, наверное, извинюсь, когда вернусь в Москву, и что я, наверное, напишу отзыв, и что отзыв, наверное, будет хороший, и что мне, наверное, поставят лайки.

— А где мой рюкзак? — спросил я, и голос был уже не такой хриплый, и я подумал, что, наверное, выздоравливаю, и что это, наверное, хорошо, и что я, наверное, скоро пойду, и что я, наверное, найду рюкзак, и что в рюкзаке, наверное, есть зарядка, и что я, наверное, заряджу телефон, и что я, наверное, выложу сторис, и что мне, наверное, поставят лайки, и что жизнь, наверное, налаживается.

Фрол посмотрел на меня, и в его глазах было что-то странное, как будто он видел во мне кого-то другого, кого он любил, и кого потерял, и я подумал, что это, типа, очень трогательно, и что мужик, наверное, играет роль отца, и что у него, наверное, был сын, и что сын, наверное, погиб, и что это, наверное, его способ пережить горе, и что я, наверное, не буду возражать, и что я, наверное, побуду его сыном, пока не вернусь в Москву, и что это, наверное, нормально, и что всем, наверное, нужна ролевая терапия.

— Рог, — сказал Фрол вдруг, и посмотрел на меня, и в его глазах было что-то ещё, кроме горя, и это что-то было похоже на страх, и я подумал, что это, типа, очень крутая игра, и что мужик, наверное, действительно мастер, и что ему, наверное, пора в большое кино, и что я, наверное, порекомендую его своему другу, который снимает короткометражки, и что друг, наверное, оценит, и что всё, наверное, будет хорошо.

— Какой рог? — спросил я, и Фрол посмотрел на меня, и сказал: «Тот, что светился, когда ты упал», и я подумал, что это, типа, уже перебор, и что рога не светятся, и что это, наверное, был фонарик, и что я, наверное, объясню ему, и что он, наверное, поймёт, и что всё, наверное, будет хорошо.

— Это был фонарик, — сказал я, и Фрол посмотрел на меня, и покачал головой, и сказал: «Фонарики не светятся так, парень», и я подумал, что он, типа, не понимает, и что я, наверное, объясню, и что он, наверное, поймёт, и что всё, наверное, будет хорошо.

Фрол встал, и подошёл ко мне, и положил руку мне на плечо, и рука у него была тяжёлая, и мозолистая, и настоящая, и я подумал, что это, типа, очень убедительно, и что гримёр постарался, и что мне, наверное, надо будет отметить его в сторис, и что мне, наверное, поставят лайки, и что жизнь, наверное, налаживается.

— Ты не первый, — сказал Фрол тихо, и посмотрел мне в глаза, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и я подумал, что это, типа, очень крутая сцена, и что сценарист, наверное, постарался, и что мне, наверное, надо будет узнать его имя, и что я, наверное, порекомендую его своему другу, и что друг, наверное, оценит, и что всё, наверное, будет хорошо.

Фрол сказал: «Ты не первый, кто упал сюда».

Дверь сарая скрипнула, как в «Иване Васильевиче», и свет ударил в глаза, и я зажмурился, и подумал, что, типа, прожекторы поставили нормально, и что, наверное, бюджет у сериала приличный, и что мне, наверное, надо будет узнать, кто режиссёр, и что я, наверное, порекомендую его своему другу, который снимает короткометражки, и что друг, наверное, оценит.

Фрол шёл впереди, и шёл он странно — не как актёр, а как мужик, который всю жизнь так ходил, и спина у него была сутулая, и плечи широкие, и сапоги скрипели, и я подумал, что, типа, очень крутая работа костюмера, и что сапоги, наверное, настоящие, семнадцатого века, и что их, наверное, делали на заказ, и что это, вообще-то, дорого, и что сериал, наверное, для первого канала, и что мне, наверное, положены отчисления, если я в массовке.

Я вышел во двор, и двор был большой, и на нём было всякое: деревянные строения, какие-то бочки, телеги, куры клевали что-то в пыли, и я подумал, что, типа, декораторы поставились, и что это, наверное, самая дорогая часть бюджета, и что куры, наверное, настоящие, и что их, наверное, привезли из деревни, и что это, вообще-то, аутентично, и что мне, наверное, надо будет снять это на телефон, если телефон найдётся.

Запах ударил в нос, и запах был такой, какого я не нюхал никогда — навоз, дым, кислое молоко, что-то ещё, солёное, и я подумал, что, типа, парфюмер постарался, и что это, наверное, специальная композиция, и что её, наверное, разрабатывали в лаборатории, и что это, вообще-то, круто, и что я, наверное, спрошу у Фрола, где можно такое купить, и что я, наверное, подарю это Ленке на день рождения, и что Ленка, наверное, оценит.

— Куда идём-то? — спросил я, и Фрол не ответил, и только махнул рукой, и я подумал, что, типа, актёр в образе, и что его, наверное, просили не разговаривать вне кадра, и что это, вообще-то, профессионально, и что я, наверное, тоже буду молчать, чтобы не испортить ему игру, и что я, наверное, хороший коллега, и что мне, наверное, поставят лайки за это.

Мы шли по двору, и я шатался, как после корпоратива, когда Петров напился, и мы его тащили до такси, и такси уехало, и мы его догоняли, и я подумал, что, типа, похоже, и что я, наверное, тоже перебрал, только не алкоголя, а сотрясения, и что мне, наверное, нужно поесть, и что я, наверное, голодный, и что я, наверное, не ел со вчерашнего утра, и что кредит не ждёт, но желудок ждёт, и это, наверное, важнее.

Мимо прошла женщина, в платке, с коромыслом, и коромысло скрипело, и вёдра были тяжёлые, и я подумал, что, типа, очень крутая работа реквизитора, и что коромысло, наверное, настоящее, и что вёдра, наверное, настоящие, и что женщина, наверное, актриса, и что у неё, наверное, есть награды, и что она, наверное, обижается, что её тут, в глуши, забыли, и что я, наверное, извинюсь, когда вернусь в Москву.

Женщина посмотрела на меня, и посмотрела странно, и я подумал, что, типа, я, наверное, смешной, и что у меня, наверное, волосы дыбом, и что я, наверное, весь в сенной трухе, и что я, наверное, похож на бомжа, и что мне, наверное, стыдно, и что я, наверное, никогда не расскажу об этом Ленке, и что Ленка, наверное, будет смеяться.

Из-за угла вывернулась лошадь, и лошадь была большая, и гнедая, и я подумал, что, типа, очень крутая работа конюха, и что лошадь, наверное, дрессированная, и что она, наверное, не лягнётся, и что мне, наверное, можно её погладить, и что я, наверное, поглажу, и что это, наверное, будет хороший кадр для сторис, и что мне, наверное, поставят лайки.

Я протянул руку, и лошадь посмотрела на меня, и лягнула, и лягнула так, что я отлетел в сторону, и бок у меня заболел, как будто меня ударили мешком цемента, и я подумал, что, типа, это уже перебор, и что лошадь, наверное, не дрессированная, и что конюх, наверное, плохо работал, и что мне, наверное, нужно пожаловаться, и что мне, наверное, положена компенсация, и что кредит не ждёт, но бок ждёт, и это, наверное, важнее.

Я вспомнил лекцию профессора, и как он стучал указкой по карте, и как говорил про Соляной бунт, и как говорил, что соль — это власть, и я подумал, что, типа, совпадение, и что совпадения бывают, и что, наверное, это просто тематическая экскурсия, и что, наверное, я, наверное, перестраховываюсь, и что, наверное, не о чем переживать, и что, наверное, всё, наверное, будет хорошо.

Но внутри я уже знал, и это знание я отталкивал, как горячую картошку, и думал, что, типа, не может быть, и что это, наверное, сон, и что, наверное, я, наверное, в больнице, и что, наверное, мне, наверное, дали какие-то лекарства, и что, наверное, от них, наверное, бывают галлюцинации, и что, наверное, это, наверное, нормально, и что, наверное, не о чем переживать.

Я встал, и отряхнулся, и пошёл дальше, и шатался, как пьяный, и думал, что, типа, тише едешь — дальше будешь, и что мне, наверное, нужно идти медленнее, и что мне, наверное, нужно держаться за стенку, и что мне, наверное, нужно дойти до варницы, и что, наверное, там, наверное, будет врач, и что, наверное, врач, наверное, посмотрит меня, и что, наверное, всё, наверное, будет хорошо.

Я споткнулся о порог, и порог был высокий, и я не заметил его, и полетел вперёд, и упал в лужу, и лужа была не водой, а чем-то солёным, и щипало так, что я заорал, и выскочил, как ошпаренный, и посмотрел на руку, и на руке была царапина, и царапина горела, как огнём, и я подумал, что, типа, это уже перебор, и что лужа, наверное, не простая, и что это, наверное, рассол, и что рассол, наверное, щиплет, и что это, наверное, реально, и что это, наверное, не декорация, и что это, наверное, не сон, и что это, наверное, не галлюцинация, и что это, наверное, правда.

Я сел в лужу, и штаны промокли, и я подумал, что, типа, штаны, наверное, дорогие, и что их, наверное, нужно постирать, и что стиральная машина, наверное, есть дома, и что дома, наверное, хорошо, и что дома, наверное, нет рассола, и что дома, наверное, нет Фрола, и что дома, наверное, нет лошадей, которые легаются, и что дома, наверное, нет ничего, кроме кредита, и что кредит, наверное, не ждёт, и что это, наверное, плохо, и что это, наверное, очень плохо.

Я посмотрел вокруг, и увидел женщину, которая стояла у колодца, и женщина была молодая, и красивая, и смотрела на меня с ужасом, и я подумал, что, типа, я, наверное, смешной, и что я, наверное, весь в рассоле, и что я, наверное, похож на мокрую крысу, и что мне, наверное, стыдно, и что я, наверное, никогда не расскажу об этом Ленке, и что Ленка, наверное, будет смеяться.

Женщина посмотрела на меня, и в её глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и я подумал, что, типа, она, наверное, актриса, и что она, наверное, играет испуг, и что она, наверное, хорошо играет, и что ей, наверное, положена премия, и что ей, наверное, нужно сказать, что она молодец, и что ей, наверное, будет приятно.

Я встал, и отряхнулся, и попробовал улыбнуться, и улыбка получилась кривая, и я подумал, что, типа, я, наверное, выгляжу как идиот, и что мне, наверное, нужно извиниться, и что мне, наверное, нужно сказать, что я, наверное, не нарочно, и что я, наверное, просто упал, и что я, наверное, не виноват, и что мне, наверное, нужно идти дальше, и что мне, наверное, нужно дойти до варницы, и что, наверное, там, наверное, будет врач, и что, наверное, всё, наверное, будет хорошо.

Женщина посмотрела на меня, и открыла рот, и я подумал, что, типа, она, наверное, сейчас заговорит, и что она, наверное, скажет, что я, наверное, смешной, и что мне, наверное, будет стыдно, и что я, наверное, уйду, и что я, наверное, найду Фрола, и что Фрол, наверное, меня пожурит, и что мне, наверное, будет стыдно, и что я, наверное, извинюсь, и что, наверное, всё, наверное, будет хорошо.

Аграфена прошептала: «Опять».

Жар ударил в лицо, как из открытой духовки, когда ты забыл про пищу и она уже дымится, и я подумал, что, типа, ну всё, приехали, и что это, наверное, самая горячая точка на планете, и что я, наверное, сейчас расплавлюсь, как тот мужик в «Терминаторе-2», и что это, вообще-то, не очень приятно.

Варница была огромная, и внутри неё всё кипело, и пар стоял такой, что я не видел дальше трёх метров, и пахло солью, и дымом, и потом, и чем-то ещё, кислым, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть та самая соль, которую я отправлял в Казань, и что она, оказывается, вот так выглядит, и что я, вообще-то, не знал, и что это, наверное, моё упущение, и что мне, наверное, стыдно.

Мужики работали, голые по пояс, и спины у них были красные, как у варёных раков, и мышцы играли, и пот лился, и они черпали что-то из больших железных ящиков, и ящик, наверное, назывался црен, и я вспомнил, что это слово я где-то слышал, и что, наверное, на лекции, и что я, наверное, не слушал, и что это, наверное, моя проблема, и что я, наверное, всегда не слушаю, и что это, наверное, нехорошо.

— Вот это — сердце, — сказал Фрол, и показал на црен, и црен был большой, и ржавый, и внутри него кипел рассол, и я подумал, что, типа, сердце у варницы, конечно, специфическое, и что моё сердце, наверное, выглядит лучше, хотя, если подумать, тоже ржавое, от кофе и от стресса, и что это, наверное, грустно, и что мне, наверное, нужно к кардиологу, и что кардиолог, наверное, дорог, и что кредит не ждёт.

Я вспомнил бабушку, и как она говорила, что за соль убивали, и я тогда закатывал глаза, и думал о планшете, и не верил, и вот теперь я стою в варнице, и вижу, как мужики черпают соль, и пот с них льётся, и я думаю, что бабушка, наверное, была права, и что я, наверное, дурак, и что я, наверное, не слушал, и что теперь, наверное, поздно.

Я вспомнил профессора, и как он стучал указкой по карте, и как говорил, что соль — это власть, и я тогда думал о пельменях, и не слушал, и вот теперь я вижу, что власть — это вот эти мужики, голые по пояс, и вот этот црен, и вот этот пар, и вот эта соль на стенах, и что профессор, наверное, был прав, и что я, наверное, дурак, и что я, наверное, не слушал, и что теперь, наверное, поздно.

Я вспомнил Петрова, и как он говорил, что если соль исчезнет, мир рухнет, и я тогда засмеялся, и засмеялся громче всех, и вот теперь я стою в варнице, и вижу, что мир, наверное, и правда держится на соли, и что Петров, наверное, был прав, и что я, наверное, дурак, и что я, наверное, не слушал, и что теперь, наверное, поздно, и что это, наверное, фиаско, братан.

Я полез в карман за телефоном, и телефон был там, и я обрадовался, и нажал кнопку, и экран не загорелся, и я нажал ещё раз, и ещё, и ещё, и экран был чёрный, как моя совесть, и я подумал, что, типа, это конец, и что сторис не будет, и что лайков не будет, и что Ленка не увидит, и что я, наверное, пропал, и что это, наверное, самое страшное, что со мной случилось, и что я, наверное, не переживу.

Я потряс телефон, и постучал по нему, и подул в разъём, как в картридж от Денди, и ничего не помогло, и я подумал, что, типа, это всё, и что зарядки тут нет, и что розетки тут нет, и что электричества тут нет, и что это, наверное, и есть прошлое, и что в прошлом, наверное, не было розеток, и что это, наверное, логично, и что я, наверное, тупой, и что мне, наверное, нужно смириться, и что шоу маст гоу он, и что сторис — это ерунда, а реальность — вот она, и что реальность, наверное, пахнет солью и потом, и что это, наверное, не очень приятно, но зато, наверное, честно.

Я посмотрел на стену, и на стене была соль, и соль была белая, и крупная, и блестела, как снег, и я подумал, что, типа, красиво, и что это, наверное, можно снять, если бы телефон работал, и что это, наверное, был бы лучший кадр в моей жизни, и что я, наверное, получил бы за него миллион лайков, и что я, наверное, стал бы блогером, и что кредит, наверное, закрылся

бы, и что жизнь, наверное, наладилась бы, но телефон не работал, и лайков не было, и жизнь, наверное, не налаживалась.

На стене, среди соли, был какой-то знак, и знак был красный, и круглый, и я посмотрел на него, и подумал, что, типа, это, наверное, какая-то метка, и что, наверное, так отмечают, где соль хорошая, и что это, наверное, неважно, и что мне, наверное, не до знаков, и что мне, наверное, нужно понять, где я, и что мне, наверное, нужно понять, как отсюда выбраться, и что мне, наверное, нужно понять, почему Фрол смотрит на меня так, будто я его сын, и что это, наверное, странно, и что это, наверное, неважно, и что мне, наверное, нужно просто выжить.

Фрол подошёл ко мне, и положил руку мне на плечо, и рука у него была тяжёлая, и горячая, и мозолистая, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть настоящая рука, и что настоящие руки — они такие, и что мои руки, наверное, не настоящие, и что мои руки, наверное, только для клавиатуры и для телефона, и что это, наверное, грустно, и что мне, наверное, нужно стать настоящим, и что это, наверное, больно, и что это, наверное, неизбежно.

— Ну что, — сказал Фрол, и посмотрел мне в глаза, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, — теперь ты солевар.

Я хотел сказать, что я не солевар, и что я логист, и что я отправляю двадцать тонн соли в Казань, и что у меня кредит, и что у меня подписка, и что у меня айфон, который не включается, и что мне, наверное, нужно домой, и что дома, наверное, хорошо, и что дома, наверное, нет варниц, и что дома, наверное, нет Фрола, и что дома, наверное, нет соли на стенах, но язык не слушался, и я просто стоял, и смотрел на црен, и на пар, и на мужиков, голых по пояс, и думал, что, типа, это всё, и что назад, наверное, нельзя, и что вперёд, наверное, страшно, и что стоять на месте, наверное, тоже нельзя, и что жизнь, наверное, такая штука, где ты всегда думаешь о ерунде, и не думаешь о важном, и что я, наверное, наконец-то думаю о важном, и что это, наверное, хорошо, и что это, наверное, поздно.

Фрол сказал: «Теперь ты варишь соль, или умрёшь.»

Глава 5. "Первое пробуждение в прошлом"

Фрол разбудил меня так, как будил меня отец в детстве, просто дёрнул за ногу, и я чуть не упал с лавки, и подумал, что, типа, ну вот, началось, и что я, наверное, в армии, и что армия, наверное, не так страшна, как варница, и что я, наверное, зря не пошёл в университет, а пошёл в логисты, и что логисты, наверное, тоже своего рода армия, только без сапог и без подъёма в шесть утра.

Я встал, и ноги подкосились, и я ухватился за стенку, и стенка была тёплая, и я подумал, что, типа, это, наверное, от печи, и что печь, наверное, топится всю ночь, и что это, наверное, дорого, и что дрова, наверное, стоят денег, и что деньги, наверное, тут другие, и что кредит, наверное, тут не примут, и что это, наверное, плохо.

Фрол шёл впереди, и шёл он быстро, как будто опаздывал на поезд, и я за ним не поспевал, и спотыкался на каждом пороге, и думал, что, типа, пороги тут, наверное, специально высокие, чтобы такие, как я, не ходили, и что я, наверное, не такой, как надо, и что я, наверное, никогда не буду таким, как надо, и что это, наверное, моя проблема, и что проблема, наверное, у всех, и что не о чем переживать.

Мы пришли к печи, и печь была огромная, как в «Иване Васильевиче», и внутри неё гудело, и жар шёл такой, что я попятился, и Фрол посмотрел на меня, и в его глазах было что-то вроде усмешки, и я подумал, что, типа, он, наверное, рад, что я такой слабак, и что это, наверное, нормально, и что новичков, наверное, всегда подкалывают, и что я, наверное, привыкну, и что привычка, наверное, вторая натура, и что натура, наверное, у меня так себе.

— Смотри, — сказал Фрол, и показал на црен, и црен был большой, и ржавый, и внутри него кипел рассол, и пар шёл, как из самовара, и я подумал, что, типа, самовар, наверное, тоже так кипит, и что бабушка, наверное, рада бы увидеть, и что бабушка, наверное, говорила, что соль — это жизнь, и что она, наверное, была права, и что я, наверное, дурак, и что я, наверное, не слушал, и что теперь, наверное, поздно.

Фрол взял черпак, и черпак был тяжёлый, как штанга в зале, куда я записался и не пошёл, и он зачерпнул рассол, и вылил его в другой чан, и рассол шипел, и пар шёл, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть варка соли, и что это, наверное, не так сложно, и что я, наверное, справлюсь, и что я, наверное, быстро научусь, и что я, наверное, талантливый, и что талант, наверное, не пропьёшь, и что я, наверное, не пью, и что это, наверное, хорошо.

— А можно по-другому? — спросил я, и Фрол посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и я подумал, что, типа, я, наверное, спросил не то, и что вопросы, наверное, тут не приветствуются, и что я, наверное, как в офисе, где начальник не любит вопросов, и что начальник, наверное, тут Фрол, и что Фрол, наверное, не любит вопросов, и что я, наверное, буду молчать, и что молчание, золото, и что золото, наверное, тут не в цене, а в цене соли.

— Ивашка, — сказал Фрол вдруг, и посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, Ивашка — это, наверное, не я, и что я, наверное, Артём, и что Фрол, наверное, перепутал, и что Фрол, наверное, старый, и что старые, наверное, путают имена, и что это, наверное, нормально, и что не о чем переживать.

Я вспомнил отца, и как он смотрел на меня, когда я приносил двойки, и как он говорил, что я, наверное, не такой, как он ждал, и что он, наверное, ждал инженера, а получил логиста, и что логист, наверное, — это не профессия, а недоразумение, и что я, наверное, обиделся, и что я, наверное, не простил ему это, и что отец, наверное, умер, и что я, наверное, не поехал на похороны, и что это, наверное, плохо, и что я, наверное, плохой сын, и что плохие сыновья, наверное, становятся плохими солеварями, и что это, наверное, логично.

— Давай, — сказал Фрол, и протянул мне черпак, и черпак был тяжёлый, и горячий, и я взял его, и руки задрожали, и я подумал, что, типа, это, наверное, от слабости, и что я, наверное, не ел, и что я, наверное, голодный, и что голодный, наверное, — не товарищ, и что товарищ, наверное, тут Фрол, и что Фрол, наверное, не товарищ, а начальник, и что начальник, наверное, не жалеет, и что я, наверное, должен справиться, и что справиться, наверное, — это честь, и что честь, наверное, тут дороже денег, и что деньги, наверное, тут не нужны, и что это, наверное, хорошо.

Я зачерпнул рассол, и черпак оказался тяжёлый, как мешок цемента, и руки мои дрогнули, и черпак выскользнул, и полетел в црен, и рассол брызнул, и брызги попали Фролу в лицо, и я подумал, что, типа, это, наверное, конец, и что меня, наверное, убьют, и что меня, наверное, закопают в соль, и что соль, наверное, — хорошая могила, и что это, наверное, иронично, и что я, наверное, всю жизнь работал с солью, и вот она меня и погубила, и что это, наверное, справедливо, и что справедливость, наверное, — штука такая, и что штука, наверное, — это не комплимент.

Фрол вытер лицо рукавом, и посмотрел на меня, и не сказал ни слова, и только вздохнул, и я подумал, что, типа, вздох, наверное, — это плохо, и что вздох, наверное, — это приговор, и что приговор, наверное, — это не хорошо, и что мне, наверное, нужно извиниться, и что извиниться, наверное, — это честь, и что честь, наверное, тут дороже денег, и что деньги, наверное, тут не нужны, и что это, наверное, хорошо.

— Простите, — сказал я, и Фрол посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, простит, и что он, наверное, добрый, и что добрый, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Фрол поднял черпак из црена, и черпак был горячий, и он протянул его мне, и я взял его, и руки задрожали снова, и я подумал, что, типа, это, наверное, от страха, и что страх, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это не навсегда, и что навсегда, наверное, — это только соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Мы работали до вечера, и я таскал дрова, и подносил рассол, и чистил црены, и руки мои горели, и спина болела, и я думал, что, типа, это, наверное, ад, и что ад, наверное, — это не огонь, а соль, и что соль, наверное, — это хуже огня, и что огонь, наверное, — это милосердие, и что милосердие, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Фрол посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, доволен, и что доволен, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Фрол сказал: «Завтра ты варишь сам. Ошибёшься и ты умрёшь.»

Солнце пекло так, что я подумал, будто попал в сауну, только без веников и без пива, и спина болела, как после тренировки, на которую я не ходил, и руки дрожали, как у алкоголика в завязке, и я сидел на пороге сарая, и думал, что, типа, это, наверное, и есть та самая каторга, про которую бабушка рассказывала, и что каторга, наверное, — это не метафора, а реальность, и что реальность, наверное, пахнет потом и солью, и что это, наверное, не очень приятно, но зато, наверное, честно.

Я посмотрел на свои руки, и руки были красные, и в мозолях, и я подумал, что, типа, это, наверное, руки солеvara, и что мои руки, наверное, раньше были для клавиатуры и для мышки, и что мышка, наверное, — это не грызун, а устройство, и что устройство, наверное, тут не нужно, и что нужно, наверное, только черпак, и что черпак, наверное, — это моя новая мышка, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

Из-за угла вышла женщина, и женщина была та самая, что прошептала «Опять», и я узнал её по глазам, и глаза у неё были серые, как питерское небо, и я подумал, что, типа, это, наверное, не совпадение, и что совпадения, наверное, кончились, и что кончились, наверное, давно, и что я, наверное, просто не заметил, и что не заметил, наверное, — это тоже вина, и что вина, наверное, — это тяжесть, и что тяжесть, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Она несла миску, и миска была глиняная, и тяжёлая, и из неё шёл пар, и пахло чем-то кислым, и я подумал, что, типа, это, наверное, похлёбка, и что похлёбка, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не золото, а еда, и что еда, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Она поставила миску передо мной, и не сказала ни слова, и я подумал, что, типа, это, наверное, такой обычай, и что обычаи, наверное, тут строгие, и что строгие, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно, и что страшно, наверное, — это когда всё как дома, и что дома, наверное, — это далеко, и что далеко, наверное, — это навсегда, и что навсегда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

— Спасибо, — сказал я, и она посмотрела на меня, и в её глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, она, наверное, не любит благодарностей, и что благодарности, наверное, тут не в моде, и что мода, наверное, тут другая, и что другая, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно.

Я посмотрел на неё, и увидел на шее медальон, и медальон был серебряный, и старый, и я подумал, что, типа, это, наверное, фамильная реликвия, и что реликвия, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а память, и что память, наверное, — это тяжесть, и что тяжесть, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я вспомнил бабушку, и её медальон, который я выбросил в мусорное ведро, и как она смотрела на меня, и как я не посмотрел на неё, и как я побежал на поезд, и как поезд ушёл, и как я потом вернулся, и как её уже не было, и я подумал, что, типа, это, наверное, не совпадение, и что совпадения, наверное, кончились, и что кончились, наверное, в тот день, когда я не забрал медальон, и что не забрал, наверное, — это вина, и что вина, наверное, — это тяжесть, и что тяжесть, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я взял миску, и миска была горячая, и обжигала руки, и я подумал, что, типа, это, наверное, как в детстве, когда мама давала мне горячую картошку, и я обжигался, и плакал, и мама дула на картошку, и говорила, что всё будет хорошо, и что всё, наверное, будет хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а картошка, и что картошка, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Я отхлебнул, и похлёбка оказалась такой солёной, что я давился, и кашляет, и слёзы потекли, и я подумал, что, типа, это, наверное, самая солёная похлёбка в мире, и что мир, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

Женщина обернулась, и посмотрела на меня, и в её глазах было презрение, и я подумал, что, типа, это, наверное, потому что я не могу есть её похлёбку, и что похлёбка, наверное, — это её труд, и что труд, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а уважение, и что уважение, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я прокашлялся, и попробовал снова, и снова давился, и женщина посмотрела на меня, и покачала головой, и я подумал, что, типа, это, наверное, позор, и что позор, наверное, — это тяжесть, и что тяжесть, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

Я доел похлёбку, хотя было тяжело, и поставил миску на землю, и женщина подошла, и взяла миску, и посмотрела на меня, и в её глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, она, наверное, сейчас что-то скажет, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а слова, и что слова, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Аграфена сказала: «Ты не первый, кто ел мою похлёбку, и не последний.»

Ночь была чёрная, как экран моего айфона, когда садится батарея, и я лежал на сене, и сено кололось, как будто специально, и спина болела так, что я подумал — ну всё, завтра не встану, и это, типа, будет хороший повод не идти на работу, только вот работы тут нет, есть только црен, и црен, блин, никуда не денется.

За стеной кто-то плакал, и плакал тихо, так, что я сначала подумал — ветер, но ветер не всхлипывает, и не сморкается в рукав, и я подумал, что это, наверное, Аграфена, и что у неё, наверное, горе, и что горя у неё, наверное, хватает, раз она шептала «опять», и что «опять» — это, вообще-то, странное слово для горя, и что я, наверное, не хочу знать, какое у неё горе, и что не знать — это, наверное, милосердие, и что милосердие, наверное, — это хорошо, хотя я, если честно, устал от всего хорошего.

Я закрыл глаза, и перед глазами поплыли црены, и пар, и мужики голые по пояс, и Фрол с мокрым лицом, и я подумал, что, типа, это, наверное, от усталости, и что от усталости бывают галлюцинации, как в том фильме, где мужик в пустыне видел миражи, и что я, наверное, в такой же пустыне, только вместо песка — соль, и что соль, наверное, — это хуже песка, потому что песок хотя бы в рот не лезет, а соль лезет везде, и в глаза, и в нос, и в душу, и что душа, наверное, — это тоже своего рода црен, и что в ней, наверное, тоже что-то кипит, и что это, наверное, не очень приятно.

И тут я услышал голос.

Голос был тихий, женский, и шёл будто отовсюду — и из стены, и из пола, и из сена, и я подумал, что, типа, это, наверное, Аграфена, и что она, наверное, пришла, и что она, наверное, хочет извиниться за похлёбку, и что извиниться, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что я, наверное, сейчас открою глаза, и увижу её, и что это, наверное, будет хороший момент, и что хорошие моменты, наверное, — это то, ради чего стоит жить, и что жить, наверное, — это не так уж плохо, даже если ты в прошлом, и даже если у тебя нет телефона.

Я открыл глаза, и никого не было, и сено лежало, как лежало, и тени плясали на стене от угольков в печи, и я подумал, что, типа, это, наверное, привиделось, и что от усталости, наверное, не только галлюцинации бывают, но и голоса, и что голоса, наверное, — это уже перебор, и что мне, наверное, нужно к врачу, и что врач, наверное, сказал бы, что у меня, наверное, нервный срыв, и что нервный срыв, наверное, — это не повод для гордости, и что гордость, наверное, — это тоже соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, уже не смешно.

Я встал, и нога попала на что-то тёплое и пушистое, и что-то тёплое и пушистое заорало, и я подумал, что, типа, это, наверное, кот, и что коты, наверное, тут тоже есть, и что кот, наверное, обиделся, и что обиженный кот — это страшно, и что страшно, наверное, — это когда тебе и так страшно, а тут ещё кот, и я дёрнул ногу, и поскользнулся на сене, и полетел вперёд, и лбом об косяк, и косяк был твёрдый, как моя жизнь, и я увидел звёзды, и звёзды были настоящие, не те, что в айфоне, и я подумал, что, типа, даже коты тут меня не любят, и что это, наверное, знак, и что знак, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это навсегда, и что навсегда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, уже вообще не смешно.

Кот шипел из угла, и глаза у него горели, как два уголька, и я подумал, что, типа, это, наверное, не простой кот, и что простые коты, наверное, так не смотрят, и что не простые коты, наверное, бывают в фильмах ужасов, и что я, наверное, в фильме ужасов, и что фильм ужасов, наверное, — это не тот жанр, в котором я хотел бы жить, и что жить, наверное, — это сложно, и что сложно, наверное, — это не комплимент.

Я сел на пол, и потрогал лоб, и на пальцах было что-то липкое, и я подумал, что, типа, это, наверное, кровь, и что кровь, наверное, — это не хорошо, и что не хорошо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, выживу, и что выжить, наверное, — это уже достижение, и что достижение, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а голова, и что голова, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это кровь, и что это, наверное, грустно.

И тут голос повторился.

«Помоги нам».

И я понял, что голос — не Аграфены, потому что Аграфена плакала за стеной, и плач — это одно, а голос — это другое, и что голос, наверное, идёт не из сарая, и что не из сарая, наверное, значит — откуда-то ещё, и что откуда-то ещё, наверное, значит — непонятно откуда, и что непонятно, наверное, — это страшно, и что страшно, наверное, — это когда ты один, и когда у тебя нет телефона, и когда даже кот тебя не любит.

Я встал, и пошёл к двери, и дверь была закрыта, и я потрогал её, и дверь была тёплая, как будто за ней кто-то стоял, и я подумал, что, типа, это, наверное, сквозняк, и что сквозняк, наверное, — это не страшно, и что не страшно, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что я, наверное, открою дверь, и посмотрю, и что посмотреть, наверное, — это не страшно, и что не страшно, наверное, — это враньё, и что враньё, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это навсегда.

Я открыл дверь, и за дверью была ночь, и ночь была пустая, и в небе горели звёзды, и звёзды были не те, что в Москве, и я подумал, что, типа, это, наверное, другое небо, и что другое небо, наверное, — это другая земля, и что другая земля, наверное, — это другая жизнь, и что другая жизнь, наверное, — это не моя жизнь, и что моя жизнь, наверное, — это там, где есть кофе, и кредит, и айфон, и что айфон, наверное, — это счастье, и что счастье, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не соль, а розетка, и что розетка, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это 220 вольт, и что это, наверное, грустно.

Я стоял на пороге, и ветер дул в лицо, и ветер пах солью, и я подумал, что, типа, это, наверное, от усталости, и что от усталости, наверное, не только голоса, но и запахи, и что запахи, наверное, — это уже перебор, и что перебор, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это навсегда, и что я, наверное, пойду обратно, и лягу, и засну, и что заснуть, наверное, — это счастье, и что счастье, наверное, — это редкость.

И тут голос сказал снова, и на этот раз я услышал слова, и слова были не про помощь, и слова были про меня, и я подумал, что, типа, это, наверное, конец, и что конец, наверное, — это не хорошо, и что не хорошо, наверное, — это навсегда.

Голос сказал: «Ты уже слышал меня. В шахте.»

Глава 6. "Помощник солевар"

Пар из црена бил в лицо, как из забытого на плите чайника, и я шурился, пытаюсь разглядеть рождение соли в этом кипящем аду.

Фрол молча протянул мне длинный деревянный скребок, а следом — тяжелую дырчатую лопату. «Зачерпни из кипежа, — буркнул он, не глядя на меня, — и понюхай. Если паром бьёт пресная вода, вари дальше, а если запах резкий, как у старой селедки, и на металле остаются белые крупинки — пора снимать на полати».

Я послушно зачерпнул густую, пузырящуюся жижу, и горячий пар обжег ноздри едким, химическим запахом. Фрол смотрел на меня не как на неумелого подмастерье, а как на привидение, и в его глазах читалась такая тоска, что мне стало не по себе. Только сейчас, при этом свете и в этой жаре, я окончательно понял, почему он иногда называет меня Ивашкой. Его сын утонул в рассольном колодце именно в таком возрасте, и я, со своими длинными конечностями и неумелыми руками, был его жуткой, живой копией.

Я поднес лопату ко рту и, как учил старик, лизнул влажный осадок на металле. Вкус ударил по языку, как удар током: это была не соль, а концентрированная желчь с привкусом ржавчины и какой-то непонятной гадости. Я не сдержался, громко сплюнул прямо на горячие угли под цреном, и шипение получилось таким комичным и жалким, что я сам испугался своей реакции.

Фрол вдруг фыркнул, а потом рассмеялся — впервые за все дни, и этот сухой, скрипучий звук был страшнее его вечного молчания. Я вытер рот рукавом и вспомнил отца, который тоже был немногословен и смотрел на мои школьные двойки с такой же немой укоризной. Он всю жизнь ждал, что я стану инженером, а не логистом, и я так и не приехал на его похороны, потому что боялся увидеть это разочарование даже в гробу.

Фрол вытер слезу, выступившую от смеха, и снова стал серьезным, как каменная глыба. Он поворошил дрова кочергой, и искры взвились к закопченному потолку варницы, освещая толстые балки, на которых держался огромный железный чан. «Ты не первый, кто так плюется, парень, — сказал он тихо, глядя на огонь. — Я и в молодости видал таких, как ты. Приходят ниоткуда, думают, что умнее всех, а потом...»

Он не договорил, только тяжело вздохнул, и этот вздох потонул в гуле печи.

Я замер с лопатой в руках, и внутри все похолодело. «Таких, как ты» — это звучало не как комплимент моему усердию, а как диагноз или приговор. Я попытался улыбнуться и сказать, что я быстро учусь и всё понимаю, но язык прилип к нёбу, и я просто кивнул, чувствуя, как по спине бежит холодный пот, несмотря на адскую жару в избе.

Фрол вдруг выбил лопату у меня из рук, и она с грохотом упала на деревянный помост. Он подошел вплотную, и от него пахло потом, дымом и той самой горькой солью.

Фрол сказал: «Соль не прощает гордыни».

Дрова трещали в печи, как попкорн в микроволновке, и я подкинул туда ещё одну охапку, решив, что оптимизация логистики сработает и в шестнадцатом веке.

Фрол ушёл по своим делам с самого утра, оставив меня одного у црена, и я, как истинный менеджер, решил ускорить процесс выварки. В офисе я всегда так делал: нажимал «подтвердить», не глядя на цифры, и фура с двадцатью тоннами уезжала в срок. Казалось, что скорость — это всегда плюс, и что если процесс идёт медленно, значит, ты просто плохо работаешь. Я думал, что Фрол просто старомоден и боится инноваций, а я, современный специалист, сейчас покажу ему мастер-класс по тайм-менеджменту.

Кипеж в огромном железном чане забурился с новой, пугающей силой, и пар повалился густой, едкой колонной, застилал глаза. Я схватил длинный скребок, зачерпнул немного осадка со дна и, как учил старик, лизнул металл. Вкус ударил по языку, как разряд от севшей бата-

рейки: это была не соль, а концентрированная, едкая горечь с привкусом жжёной резины. Я сплюнул, вытирая рот рукавом, и понял, что «ускорение» убило доброту рассола, превратив его в бесполезную отраву.

В голове предательски зазвучала поговорка «поспешишь — людей насмешишь», но смеяться было решительно не над чем, потому что целая варя была безвозвратно испорчена.

Я запаниковал и попытался спасти хоть что-то. Схватив дырчатую лопату, я начал судорожно сгребать эту горькую дрянь со дна, чтобы пересыпать её в отдельную, потемневшую от времени бочку в углу варницы, решив про себя, что пусть лежит, авось пригодится на растопку или ещё на какое-нибудь чёрное дело. Но руки дрожали, лопата соскользнула, и тыльной стороной ладони я на полном ходу врезался в раскалённый железный борт црена.

Боль пронзила кожу, как удар током от китайской зарядки, и я отдёргнул руку, приплясывая вокруг чана и тихо матерясь, как индеец из плохого вестерна. Я смотрел на быстро краснеющий волдырь и думал, что даже эта проклятая соль меня не любит, и что вселенная явно имеет на мой счёт какие-то свои, очень жестокие планы.

Дверь варницы скрипнула, и вошёл Фрол.

Он не закричал. Он не замахнулся на меня черпаком. Он просто остановился на пороге, перевёл взгляд с пустой поленницы на почерневший борт црена, а затем на ту самую бочку с горькой солью, которую я так старательно прятал в угол. Его молчание давило на уши сильнее, чем крик начальника, который лишает тебя годовой премии перед Новым годом. В этом тяжёлом, вязком молчании читался не просто упрёк, а какой-то древний, неумолимый приговор.

Я стоял, сжимая обожженную руку, и ждал, когда он меня просто выгонит в холод или убьёт этим самым черпаком, потому что других вариантов в этой ситуации я уже не видел.

Фрол сказал: «Ты научись. Или умрёшь.»

Обожженная рука пульсировала, как динамик на концерте «Кино», и я ворочался на сене уже третий час, пытаюсь найти позу, в которой не больно.

Сено кололось, как и в первый день, и это было, наверное, единственное постоянное в моей новой жизни — сено, соль и боль. Фрол ушёл к себе, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась труха, и я понял, что разговор окончен, и что «научись или умрёшь» — это не метафора, а инструкция, как к китайскому чайнику, только вместо электричества — огонь, а вместо чая — рассол. Я лежал и смотрел в потолок, и потолок смотрел на меня, и я думал, что, типа, это, наверное, и есть та самая точка невозврата, про которую в фильмах говорят, и что я, наверное, её уже прошёл, и что назад, наверное, нельзя, и что это, наверное, грустно, но не так грустно, как то, что я, наверное, никогда больше не увижу нормальный душ.

Я встал, и нога попала на что-то острое, и я выругался, и подумал, что даже пол меня не любит, и что это, наверное, знак, и что знак, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это навсегда, и что я, наверное, должен выйти на воздух, и что воздух, наверное, лучше, чем сено, и что сено, наверное, — это для лошадей, а я, наверное, ещё не лошадь, хотя кто знает.

Я вышел во двор, и ночь была чёрная, как экран моего айфона, когда садится батарея, и звёзды горели так ярко, что я подумал, будто это не звёзды, а фонари на потолке какого-то огромного сарая, и что сарай, наверное, — это вся вселенная, и что вселенная, наверное, — это тоже варница, и что в ней, наверное, тоже что-то кипит, и что это, наверное, не очень приятно, но зато, наверное, честно.

У колодца стоял старик.

Старик был голый по пояс, и мылся ледяной водой из ковша, и вода лилась по его морщинистой спине, как по старой берёсте, и я подумал, что, типа, это, наверное, какой-то обряд, и что обряды, наверное, тут странные, и что странные, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно, и что страшно, наверное, — это когда всё как дома, и что дома, наверное, — это далеко, и что далеко, наверное, — это навсегда, и

что навсегда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я подошёл ближе, и старик обернулся, и посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, это, наверное, тот самый старик, про которого Фрол рассказывал, и что Фрол, наверное, рассказывал про него, и что он, наверное, знает что-то, и что знать, наверное, — это страшно, и что страшно, наверное, — это когда ты не готов, и что готов, наверное, — это никогда, и что никогда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я вспомнил лекцию профессора, и как он стучал указкой по карте, и как говорил про Соляной бунт, и как говорил, что соль — это власть, и я тогда думал о пельменях, и не слушал, и вот теперь я стою во дворе, и вижу старика, который моется ледяной водой, и думаю, что он, наверное, знает что-то важное, и что важное, наверное, — это страшно, и что страшно, наверное, — это когда ты не хочешь знать, и что не хочешь, наверное, — это вина, и что вина, наверное, — это тяжесть, и что тяжесть, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

— Ты поздно пришёл, — сказал старик вдруг, и голос у него был хриплый, как у того мужика из «Ивана Васильевича», и я подумал, что, типа, это, наверное, цитата, и что цитаты, наверное, тут неуместны, и что неуместные, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно.

Я хотел спросить, что значит «поздно», и поздно — это когда, и когда я должен был прийти, и откуда я должен был прийти, и кто меня ждал, и зачем меня ждал, но язык не слушался, и я только мычал, и подумал, что это, наверное, шок, и что от шока бывает афазия, и что я читал про это в Википедии, и что это временно, и что не о чем переживать.

Старик посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас что-то скажет, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а слова, и что слова, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Я сделал ещё шаг, и старик вдруг плеснул на меня водой из ковша, и вода была ледяная, как в проруби на Крещение, и я вскрикнул, как баба из анекдота, и отскочил, и чуть не упал в ту же лужу, в которую падал днём, и подумал, что, типа, это уже перебор, и что старик, наверное, не в себе, и что не в себе, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно, и что страшно, наверное, — это когда всё как дома, и что дома, наверное, — это далеко, и что далеко, наверное, — это навсегда.

Старик засмеялся, и смех у него был хриплый, как у Фрола, и я подумал, что, типа, это, наверное, семейное, и что семейное, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я вытер лицо рукавом, и вода была солёная, и я подумал, что, типа, это, наверное, не простая вода, и что простая, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё солёное, и что солёное, наверное, — это навсегда, и что навсегда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

Старик перестал смеяться, и посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас что-то скажет, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а слова, и что

слова, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Старик сказал: «Я ждал тебя, солевар.»

Глава 7. "Первое открытие"

Фрол чесал затылок и считал что-то на пальцах, и пальцы у него кончались на десяти, и он начинал сначала, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть та самая древняя система учёта, про которую в университете рассказывали, только вместо абака — борода и пальцы, и что это, наверное, очень аутентично, и что аутентичность, наверное, — это хорошо, хотя и неэффективно.

— Сколько за неделю-то вышло? — спросил я, и Фрол посмотрел на меня, как на дурачка, и сказал, что примерно три бочки, а может четыре, а может и две с половиной, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть та самая логистика по-русски, и что логистика, наверное, — это когда ты не знаешь, сколько у тебя товара, и что это, наверное, плохо, и что плохо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, могу помочь.

Я вспомнил офис, и как я вёл отчёты по фурам в Excel, и как каждая колонка была важна, и как каждая цифра сходилась с другой, и как начальник хвалил меня за точность, и я подумал, что, типа, это, наверное, единственное, что я умею делать хорошо, и что это, наверное, пригодится, и что пригодиться, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не соль, а умение считать, и что умение, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это отчёт, и что это, наверное, грустно.

— Давай я запишу, — сказал я, и Фрол посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, не понимает, что такое «записать», и что «записать», наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё на пальцах, и что на пальцах, наверное, — это навсегда, и что навсегда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я полез в карман, и карман был пустой, и я полез в другой, и другой тоже пустой, и я подумал, что, типа, это, наверное, потому что у меня нет ни телефона, ни ручки, ни бумаги, и что это, наверное, конец, и что конец, наверное, — это не хорошо, и что не хорошо, наверное, — это навсегда, и что я, наверное, должен найти, чем писать, и что найти, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Я нашёл у Фрола кусок бересты и уголёк из печи, и береста была шершавая, как кожа на локте, и уголёк пачкал руки, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть та самая древняя канцелярия, и что канцелярия, наверное, — это не офис, а береста, и что береста, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это учёт, и что это, наверное, грустно.

Я начал писать, и писал криво, и буквы получались кривыми, как после трёх рюмок, и я подумал, что, типа, это, наверное, потому что я разучился писать от руки, и что от руки, наверное, — это не то же самое, что на клавиатуре, и что на клавиатуре, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это Excel, и что Excel, наверное, — это счастье, и что счастье, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Фрол смотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, думает, что я колдун, и что колдун, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это навсегда, и что я, наверное, должен объяснить, и что объяснить, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

— Это не колдовство, — сказал я, и Фрол посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, не верит, и что не верит, наверное, — это нормально, и что нормально, наверное, — это не плохо, и что не плохо, наверное, — это не навсегда.

Я показал ему бересту, и на бересте было написано: «День 1: 2 бочки рассола, 10 поленьев дров, 1/4 бочки соли». «День 2: 3 бочки рассола, 15 поленьев дров, 1/3 бочки соли». И так далее, и Фрол посмотрел на бересту, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас поймёт, и что понять, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

— Смотри, — сказал я, и показал на бересту, — если мы знаем, сколько рассола и дров нужно на одну бочку соли, мы можем предсказать, сколько получится к концу недели, и что это, наверное, удобно, и что удобно, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость.

Фрол посмотрел на бересту, и потом на меня, и потом снова на бересту, и я подумал, что, типа, он, наверное, не понимает, и что не понимает, наверное, — это нормально, и что нормально, наверное, — это не плохо, и что не плохо, наверное, — это не навсегда.

Я взял уголёк, и уголёк сломался в руке, и я подумал, что, типа, это, наверное, потому что он старый, и что старый, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно, и что страшно, наверное, — это когда всё как дома, и что дома, наверное, — это далеко, и что далеко, наверное, — это навсегда.

Я попробовал написать ещё, и уголёк брызнул мне в лицо, и я выругался, и Фрол засмеялся, и смех у него был хриплый, как у того мужика из «Ивана Васильевича», и я подумал, что, типа, это, наверное, семейное, и что семейное, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Я вытер лицо рукавом, и рукав был чёрный от угля, и я подумал, что, типа, это, наверное, новая мода, и что мода, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё чёрное, и что чёрное, наверное, — это навсегда, и что навсегда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Фрол перестал смеяться, и посмотрел на бересту, и потом на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас что-то скажет, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а слова, и что слова, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Я положил бересту на стол, и береста была кривая, и я подумал, что, типа, это, наверное, потому что я не умею писать на бересте, и что на бересте, наверное, — это не то же самое, что на бумаге, и что на бумаге, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это принтер, и что принтер, наверное, — это счастье, и что счастье, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Фрол взял бересту, и посмотрел на неё, и потом на меня, и потом снова на бересту, и я подумал, что, типа, он, наверное, не понимает, и что не понимает, наверное, — это нормально, и что нормально, наверное, — это не плохо, и что не плохо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, должен объяснить, и что объяснить, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Фрол сказал: «Ты не солевар. Ты — писарь.»

К утру у ворот варницы стояла очередь, как в «Пятёрочку» в день зарплаты, и я подумал, что, типа, вот оно, признание, и что признание, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль.

Фрол стоял на пороге и смотрел на толпу, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа,

он, наверное, не рад, и что не рад, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, должен радоваться, и что радоваться, наверное, — это редкость.

— Это ты натворил, писарь? — буркнул Фрол, и я кивнул, и подумал, что, типа, натворил — это, наверное, не то слово, и что слово, наверное, — это важно, и что важно, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё неважно, кроме соли, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль.

Люди пришли разные: бабы с корзинами, мужики с бородами, какой-то монах с посохом, и все хотели купить соль, и все говорили, что слышали про «умного парня, который считает на бересте», и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть тот самый сарафанный маркетинг, про который в университете рассказывали, и что маркетинг, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно.

Я попытался выйти к людям и сказать, что, типа, добро пожаловать, и что соль, наверное, — есть, и что цена, наверное, — нормальная, и что мы, наверное, — открыты, но споткнулся о порог, и порог был высокий, и я полетел вперёд, и упал прямо в лужу рассола, и рассол был холодный, и щипал царапины на руках, и я подумал, что, типа, это, наверное, позор, и что позор, наверное, — это тяжесть, и что тяжесть, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Толпа засмеялась, и я покраснел, и вылез из лужи, и рассол стекал по штанам, и я подумал, что, типа, это, наверное, новая мода, и что мода, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё мокрое, и что мокрое, наверное, — это навсегда, и что навсегда, наверное, — это соль, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Я встал, и отряхнулся, и попробовал улыбнуться, и улыбка получилась кривая, как у того мужика из «Особенностей национальной охоты», и я подумал, что, типа, я, наверное, выгляжу как идиот, и что идиот, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно, и что страшно, наверное, — это когда всё как дома, и что дома, наверное, — это далеко, и что далеко, наверное, — это навсегда.

И тут я увидел его.

Он стоял в стороне от толпы, молодой, в красном кафтане, с пищалью за спиной, и смотрел на меня не так, как все, а как-то по-другому, и я подумал, что, типа, это, наверное, стрелец, и что стрелец, наверное, — это не просто мужик с ружьём, а кто-то важный, и что важный, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — все важные, и что важные, наверное, — это навсегда.

Он подошёл ко мне, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас что-то скажет, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а слова, и что слова, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

— Ты и есть тот писарь? — спросил он, и голос у него был молодой, и я подумал, что, типа, он, наверное, мой ровесник, и что ровесник, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

— Ну, типа, да, — сказал я, и подумал, что, типа, «ну, типа, да» — это, наверное, не очень грамотный ответ для шестнадцатого века, и что грамотный, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё неграмотное, кроме меня, и что я, наверное, — единственный грамотный, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

Стрелец посмотрел на меня, и потом на бересту, которая торчала из-за пазухи, и потом снова на меня, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас поймёт, что я не отсюда, и что не отсюда, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это навсегда, и что я, наверное, должен молчать, и что молчать, наверное, — это золото, и что золото, наверное, тут не в цене, а в цене соль.

— Меня зовут Гришка, — сказал стрелец, и протянул руку, и рука у него была мозолистая, как у Фрола, и я подумал, что, типа, это, наверное, семейное, и что семейное, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Я пожал ему руку, и рука у него была тёплая, и я подумал, что, типа, это, наверное, хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а рукопожатие, и что рукопожатие, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Я вспомнил, как в офисе пожимал руку начальнику, и как рука у него была холодная, как у мёртвой рыбы, и как я думал, что это, наверное, знак, и что знак, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, должен был уволиться, и что уволиться, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё не тут, и что не тут, наверное, — это навсегда.

Гришка посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас что-то скажет, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а слова, и что слова, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Я заметил, что у него на поясе висит кожаная сумка, и сумка была старая, и потёртая, и я подумал, что, типа, это, наверное, его личная вещь, и что личная, наверное, — это важно, и что важно, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё неважно, кроме соли, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

Гришка наклонился ко мне, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас что-то шепнет, и что шепнуть, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а шёпот, и что шёпот, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Стрелец сказал: «Ты тот, кто нам нужен.»

Дверь варницы распахнулась так, что с петель посыпалась труха, и вошёл человек, которого я сразу узнал, хотя видел впервые, потому что такие люди всегда узнаются — по одежде, по свите, по тому, как они входят, будто им тут все должны.

Савва был одет в кафтан такого цвета, который я не мог определить — то ли синий, то ли зелёный, то ли вообще фиолетовый, и кафтан был расшит золотом, и золото блестело так, что резало глаза, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть та самая боярская мода, про которую в музеях рассказывают, и что мода, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё не модное, кроме меня, и что я, наверное, — единственный модный, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

За Саввой шли двое слуг, и слуги были такие большие, что я подумал, будто это не слуги, а шкафы из «Икеи», только живые, и что шкафы, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё не шкафы, а люди, и что люди, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Фрол встал, и встал так, как я его никогда не видел — с каким-то уважением, что ли, или страхом, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть тот самый Савва, про которого все говорят, и что говорят, наверное, — много, и что много, наверное, — это не хорошо, и что не хорошо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, должен спрятаться, и что спрятаться, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Савва кашлянул, и кашель был такой, будто у него в груди работает перфоратор, и я подумал, что, типа, это, наверное, не просто кашель, а что-то серьёзное, и что серьёзное, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё несерьёзное, кроме соли, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

— Ты и есть тот писарь? — спросил Савва, и голос у него был хриплый, как у того мужика из «Бригады», и я подумал, что, типа, это, наверное, цитата, и что цитаты, наверное, тут неуместны, и что неуместные, наверное, — это не плохо, а просто по-другому, и что по-другому, наверное, — это не страшно.

— Ну, типа, да, — сказал я, и подумал, что, типа, «ну, типа, да» — это, наверное, не очень грамотный ответ для шестнадцатого века, и что грамотный, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё неграмотное, кроме меня, и что я, наверное, — единственный грамотный, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

Савва кашлянул снова, и достал платок, и платок был белый, и белый, и я подумал, что, типа, это, наверное, хороший платок, и что хороший, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а платки, и что платки, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Я заметил, что на платке было что-то красное, и я подумал, что, типа, это, наверное, вино, и что вино, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а вино, и что вино, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Но потом я понял, что это не вино, и что это, наверное, кровь, и что кровь, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, должен что-то сказать, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

— Я могу предложить тебе работу, — сказал Савва, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть та самая работа мечты, про которую в фильмах говорят, и что работа, наверное, — это хорошо, и что хорошо, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а работа, и что работа, наверное, — это жизнь, и что жизнь, наверное, — это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Я попытался встать, чтобы показать, что я серьёзный человек, и встал так резко, что задел локтем чашку с рассолом, и чашка полетела на пол, и рассол плеснул Савве на сапоги, и я подумал, что, типа, это, наверное, конец, и что конец, наверное, — это не хорошо, и что не хорошо, наверное, — это навсегда, и что я, наверное, должен извиниться, и что извиниться, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Савва посмотрел на свои сапоги, и потом на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас меня убьёт, и что убьёт, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это навсегда, и что я, наверное, должен бежать, и что бежать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность.

Но Савва не убил меня, а только кашлянул, и кашель был такой, будто у него в груди работает отбойный молоток, и я подумал, что, типа, это, наверное, не просто кашель, а что-то серьёзное, и что серьёзное, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё несерьёзное, кроме соли, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

— Ты будешь работать на меня, — сказал Савва, и голос у него был такой, будто он не спрашивает, а приказывает, и я подумал, что, типа, это, наверное, и есть та самая власть, про которую профессор рассказывал, и что власть, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё не власть, кроме Саввы, и что Савва, наверное, — единственный властный, и что это, наверное, грустно, и что грустно, наверное, — это не комплимент.

Я вспомнил, как в офисе начальник говорил со мной таким же тоном, и как я думал, что это, наверное, знак, и что знак, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, должен был уволиться, и что уволиться, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё не тут, и что не тут, наверное, — это навсегда.

Савва кашлянул снова, и на этот раз я увидел, что на платке точно кровь, и я подумал, что, типа, это, наверное, не просто кашель, а что-то серьёзное, и что серьёзное, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё несерьёзное, кроме соли, и что соль, наверное, — это всё, и что всё, наверное, — это соль, и что это, наверное, грустно.

— Я согласен, — сказал я, и подумал, что, типа, это, наверное, ошибка, и что ошибка, наверное, — это плохо, и что плохо, наверное, — это не навсегда, и что я, наверное, должен был отказаться, и что отказаться, наверное, — это не тут, и что тут, наверное, — всё не тут, и что не тут, наверное, — это навсегда.

Савва посмотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не понял, и что-то, чего я испугался, и что-то, чего я, наверное, не хотел знать, и я подумал, что, типа, он, наверное, сейчас что-то скажет, и что сказать, наверное, — это редкость, и что редкость, наверное, — это ценность, и что ценность, наверное, тут не деньги, а слова, и что слова, это жизнь, и что жизнь, это похлёбка, и что это, наверное, грустно.

Савва сказал: «Если ты предашь, то я убью тебя.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.